

и Матсумото, отправиться на помощь семеновским и японским войскам, находящимся в Забайкалье.

И с первых чисел февраля японские войска устраняют вооруженный барьер советскому движению на Дальний Восток.

Но с этих же пор японцы остаются совершенно одинокими, и соотношение сил резко меняется: чехо-словацкие и американские войска встают, хотя и пассивно, на сторону рабоче-крестьянской Сибири; японские — на сторону остатков колчаковщины, активно выражая им свою помощь.

Начинается новая, не менее лицемерная и жестокая, но уже не столь кошмарная и кровавая страница гражданской войны.

XV

Англо-французские капиталисты вынуждены признать банкротство своих планов «победить революцию в России».

С бессильной злобой, едва сдерживая свою ненависть к Советской России, даже сам вдохновитель и фактический руководитель всех бесчеловечных расстрелов и пыток русского трудового класса, английский военный министр Черчилль вынужден был заявить, что «союзники делали много ошибок по отношению к русскому народу и не всегда знали о его действительном настроении».

А председатель совета министров английского правительства вынуждает себя заявить рабочим, что «правительство решило выявить возможности торговых сношений с Советской Россией через посредство русских кооперативов».

Но это был только маневр, необходимый для разряжения настроений и категорических требований, и расписка в своем полном бессильии победить Советскую Россию при сохранившихся условиях.

В действительности же, в кабинетах парижского и лондонского генеральных штабов, весьма тайно, но еще более задорно и злобно, уже создавались новые проекты разбить революцию в России и тщательно разыскивались «свежие силы», которые можно было бы использовать в этой новой борьбе с русскими Советами.

Капиталистический интернационал чувствовал свое бессилие и банкротство только в настоящем, но он не хотел и не мог отказаться от победы в будущем: это значило бы отказаться от самого себя, признать свое полное поразжение...

Поэтому в тот самый момент, когда руководители этого интернационала, Ллойд-Джордж, Клемансо и др., в интервью с корреспондентами либеральных газет и даже на рабочих собраниях расписались в своей преданности рабочим интересам и своей гуманности и сочувствии блокируемым русским женщинам, детям, рабочим и крестьянам, — в это самое время верховный главнокомандующий французскими войсками генерал Фош ехал в помещицью Польшу для организации «новых антибольшевистских сил», а английский

военный министр Черчилль формировал «добровольческие отряды» из русских офицеров и военнопленных и входил в «контакт» с японским генеральным штабом, нацеливая «новые способы» разгрома Советов со стороны Сибири.

Иначе и не могло быть.

Агенты капитала могут служить только ему. И всякие уступки и заигрывания с рабочими на действительном языке капиталистов являлись только «тактической необходимостью».

Борьба за Дальний Восток. Падение власти Хорвата, Розанова и Калмыкова. Агрессивность Японии и возникновение буфера ДВР. Поиски попытки японского правительства создать противосоветский фронт в результате 4—5 апреля. Уход японских войск из Забайкалья и падение власти атамана Семенова. Союз учредительного собрания Дальневосточной республики и отношение к нему [капиталистического мира]. Меркуло-японский переворот 26 мая 1921 г. Окончание гражданской войны на Дальнем Востоке 126

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

О первом издании книги тов. Парфенова (вышла в Харбине в 1921 г.) был дан отзыв в нашем журнале «Пролетарская революция» (№ 7 за 1922 г.). Уже там было отмечено, что достоинство книги тов. Парфенова заключается в марксистском изложении и освещении хроники событий гражданской войны в Сибири, основанном на богатом фактическом и документальном материале.

Во втором издании книги автором сделаны поправки и дополнения, благодаря чему основное достоинство книги возросло.

В промежуток времени между первым и вторым изданием книги тов. Парфенова вышла в свет (в 1923 г.) книга Колосова — «Сибирь при Колчаке», в которой автор, типичный представитель мелко-буржуазной идеологии эс-эровской марки, с одной стороны, неверно освещает крестьянское движение при Колчаке, а с другой, неправильно разрешает вопрос о происхождении колчаковщины, так как умалчивает о роли своей партии в сибирской контр-революции. Книга тов. Парфенова является фактически обоснованным опровержением вольных и невольных умолчаний и измышлений эс-эровского ума.

Книга тов. Парфенова имеет большое значение не только для историков, но и для тов. практиков — политических работников, особенно теперь, когда капиталистические правительства предъявляют к Советской власти требования о возмездии своих подданных за понесенные ими «убытки» и «жертвы» в гражданской войне. В книге тов. Парфенова собрано много данных о тех убытках и жертвах, которые понесла Советская Россия благодаря интервенции иностранных капиталистов.

Тов. Парфенов был активным участником многих описываемых им событий в качестве ответственного партийного и общественного работника.

Отсюда понятно, почему его книга написана не только на основании тех документов, которые попали в его распоряжение, но и на основании его собственных впечатлений и наблюдений над происходившими вокруг него событиями.

Первое издание этой книги было выпущено в г. Харбине в мае 1921 г. под заглавием «Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918—1920 г.г.». Я в то время был арестован китайским правительством и находился в харбинской тюрьме. Книга была выпущена без моего участия, насех, и, признаю, имела много погрешностей, хотя всеми советски настроенными рецензентами была встречена очень хорошо.

В настоящее издание я внес много поправок, при чем, насколько мог, сделал их согласно пожеланиям, высказанным в «Сибирских Огнях», «Пролетарской Революции» и «Дальневосточном Пути». Но само собой разумеется, что и настоящее издание не может претендовать на совершенство и даже на полноту.

Кроме того, я дополнил это издание кратким изложением тех событий, которые имели место на Дальнем Востоке после начала 1921 года¹⁾.

В свое время заграничная белогвардейская печать обвинила меня в «подтасовке» некоторых фактов и в «составлении» некоторых документов. Считаю необходимым заявить, что книга составлялась мною на основании личных фиксированных впечатлений и тех документов, которые попали в мое распоряжение во Владивостоке после бегства генерала Розанова и его штаба в Японию.

По возможности, я старался быть объективным, поскольку это мыслимо для человека, имеющего свои политические убеждения и являвшегося активным участником многих описываемых событий.

Петр Алтайский.

Возникновение Советской власти в Сибири и отношение к ней политических партий и населения. Ошибки и слабость Советской власти в Сибири.

Октябрьские события 1917 г. достигли до Сибири со значительным опозданием, хотя официально, по радио, Советская власть была провозглашена в сибирских городах почти одновременно с центральной Россией.

Фактический переход власти к Советам начался в некоторых местах в ноябре, но в большинстве городов — в декабре и даже в феврале 1918 г., например, в Алтайской губ. И только в Красноярске Советская власть распространила свое влияние сравнительно скоро, но для этого были особые причины: Енисейская губерния, имевшая лучшую большевистскую партийную организацию, еще с июльских дней весьма подвзрительно относилась к временному правительству и даже заслужила название «Сибирского Кроунштадта». Перед самым октябрём правительство Керенского намеревалось послать в Красноярск специальную карательную экспедицию.

За исключением Енисейской губернии, в Сибири до октябрьских дней не было почти ни одного Совета, который бы стоял активно и целиком на платформе октябрьской революции. Объяснялось это весьма многими причинами, но самыми существенными из них были: 1) почти полное отсутствие промышленных рабочих, 2) политическая пассивность крестьянства, 3) отсутствие достаточного кадра подготовленных работников, способных организовать аппарат новой власти, 4) малочисленность культурных работников вообще и 5) отсутствие достаточно спаянной, выдержанной и организованной большевистской партии. До корниловских дней большевики в Сибири почти во всех городах состояли в объединенной Р.С.-Д.Р.П. И до самого ноября 1917 г. такое положение было почти во всех уездных организациях. А в деревнях того времени не было даже сносно организованных большевистских групп; деревня ориентировалась тогда почти всецело на партию эс-эров¹⁾.

Ввиду этих обстоятельств в большинстве уездов и губерний власть перешла к образовавшимся революционным комитетам и только в меньшинстве — непосредственно к Советам.

¹⁾ См. мою статью «Предоктябрьские дни в Сибири» («Сиб. Огни», 1921 г., № 6).

¹⁾ Подр. см. в моей книге «Гражданская война на Дальнем Востоке 1920 — 1923 г.г.»

И только в январе 1918 г. после всесибирского съезда Советов в Иркутске, избравшего центральный исполнительный комитет Сибири, государственная власть почти везде перешла к переизбранным Советам, хотя к тому времени средствами буржуазии и покинского и токийского русских посольств уже был организован манчжурский противосоветский фронт, и в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги Советы были низвергнуты.

На местах, за весь указанный период, помимо съездов и переизборов Советов, происходил интенсивный переход средств и дел от комиссаров бывшего правительства к Советской власти. При чем далеко не все представляется к Советской власти. При чем далеко не все представляется в пользу Советов и признавали рабоче-крестьянскую власть, а весьма многие из них это делали в пользу образованных земских управ и земских собраний.

А так как переход власти к Советам совпал с сессиями первых уездных и губернских земских собраний, то весьма нередко в одно и то же время происходили сессии земских собраний и съезды Советов, и первые стояли за власть Учредительного Собрания или областной думы, вторые — за власть Советов, лишая полномочий членов Учредительного Собрания, противников Совет. власти.

Но нигде эти принципиальные разногласия не послужили причиной для кровопролития, и, несмотря на частые, весьма бурные и шумные пререкания съездов Советов и земских собраний, дело всегда кончалось без обостренных столкновений.

Это объяснялось тем исключительно миролюбивым настроением, которое всегда почти доминировало в психологии делегатов съездов и которое исходило из отрицания войны как с внешним, так и внутренним врагом.

Многочисленные делегаты съездов от крестьян, в своем подавляющем большинстве побывавшие на фронте, раненые, контуженные, — старались морально подействовать на бывших на войне земских гласных. И это весьма часто давало результаты решений в пользу Советов.

Но земские собрания, обладая правом решать политические вопросы, в подавляющем большинстве случаев уступали Советам, так как у них не всегда был нужный кворум, в то время как у вторых (Советов) — редко не было представителей от каждого села и деревни.

Наличие в губернских и областных земских сессиях представителей от городских, преимущественно меньшевикско-эс-эровских дум, не давало возможности губернским земским собраниям слиться со съездами Советов, по примеру почти всех сибирских уездных земских сессий.

Ввиду этого, только те губернские земские собрания, которые были без представительства от крестьян и рабочих, были распущены постановлениями исполнительных комитетов или ревкомов. Но протестуя и не соглашаясь с ними, земства все же им подчинились, так как соотношение реальных сил было далеко не в пользу земств. Объясняется это тем, что вооруженный еще с момента коринтов-

ского восстания городской пролетариат и еще недемократизованные гарнизоны были всецело на стороне Советов.

И, вообще, переход власти к Советам на всей территории Сибири произошел совершенно бескровно, за исключением города Иркутска, где наличие юнкерских школ, казачьих войсковых частей и большого состава кадрового офицерства, чуждого не только Советам, но и революции вообще, послужило причиной сильного кровопролития, кончившегося все же победой пролетариата и восстановлением власти Советов.

Все банки, почтовые и телеграфные управления, суды, горные округа, управления железных дорог, сохранившие еще с падения царской власти, во многих случаях, свое бюрократическое содержание, отказались работать под гегемонией Советов. Местами Советской власти пришлось или в целом изменить персонал данных учреждений, или назначать в них своих комиссаров. Но отсутствие опытных компетентных работников заставило даже пойти дальше этого, т.-е. привлекать к революционной ответственности за нежелание работать. То же нужно сказать и о *городском* учительстве, сильно пополненном в своем составе демобилизованными офицерами. Почти в целом оно не признало Советской власти, несмотря на то, что почти 50% своих средств и столько же налога, взыскиваемого с буржуазии, Советы отдали на дело народного образования. И только *сельское* учительство или было пассивно, или активно поддерживало революционную Советскую власть.

Но борьба с нежелательными работавшими была весьма неуспешна, так как почти все саботирующие лица весьма охотно принимались на службу кооперативными организациями, руководимыми эс-эрами, меньшевиками и кадетами. А кредитные и маслодельные союзы даже ассигновали у себя специальные суммы для помощи саботирующей Совету интеллигенции.

Эта борьба с массовым саботажем стала сравнительно успешной только тогда, когда маслодельные союзы были официально слиты с потребительскими, а остальные виды кооперации местами были подвергнуты контролю. Но это было уже накануне чехо-словацкого противосоветского выступления.

Не было создано аппаратов власти, не было регулярной вооруженной силы, а благодаря саботажу интеллигенции и ротам, вставляемым социалистическими партиями, в некоторых уездных городах у власти стали люди, ничего общего не имеющие не только с пролетариатом, но и с буржуазной демократией. От произвола этого элемента вынуждены были убежать даже видные советские работники.

Далеко не единодушно вскоре стала относиться к Советской власти и деревня. Если на первых порах оседлая деревня была солидарна с деревней, находившейся на фронте, и ратовала за Советы, то с окончанием австро-германской войны и демобилизацией, интерес ее к новой власти пропал, так как помещиков в Сибири нет и делить деревне было нечего, и она стала пассивной. Тем не менее, Советская власть больше импонировала крестьянству, нежели власть земская,

с которой переселенческая Сибирь весьма хорошо была знакома еще в России.

Но когда Советы стали проявлять себя, как власть, и требовали не только налогов, но и хлеба, — деревни, в большинстве своем закочноты, стала в резкую оппозицию к Советской власти, а местами, руководимая кооператорами и кулачеством, даже стала относиться к новой власти враждебно. По своей малокультурности и несознательности деревни не была заинтересована *политически* в Советской власти. Для нее было безразлично, что будет *завтра*, а сегодня новая власть была ей непримемлема, так как требовала от деревни и денег и хлеба, давая взамен только обещания плутов, кос и мануфактуры. Крестьянство не предвидело, — а будучи настроено соответствующими лицами, оно даже и не хотело предвидеть, — что последствия безразличного и враждебного отношения к Советам скажутся на нем больше и больше всего; оно бессознательно обескровливало по существу свою же крестьянскую власть во имя индивидуальных выгод сегодняшнего дня.

Все политические партии, до правых социалистов-революционеров и меньшевиков включительно, почти без борьбы уступившие свои позиции с самого начала, не сумевшие защитить родственную им по содержанию власть врем. правительства, выбитые из своих платформ бурным течением октябрьской революции и на первых порах совершенно растерянные, — впоследствии тоже стали в непримиримые отношения к Советам. Помимо нежелания работать с новой властью и легальной враждебности и противодействия ей, они тайно уже с декабря месяца объявили войну Советской власти, всячески дискредитируя и разрушая еще не оформившийся аппарат ее.

И если буржуазия, оказавшись побежденной и разбитой пролетариатом, в дальнейшем без всякой борьбы выявила свое бессилие и неспособность к организованному самостоятельному противодействию Советам Депутатов, то антисоветские социалистические партии, без боя уступившие целый ряд своих позиций, впоследствии не только «по семейному» устроились в кооперативных союзах, но и смогли стать сильной организованной враждебной силой, выступая от имени будто бы объединяемого ими «народа».

Такое соотношение сил, естественно, послужило только ускорению процесса разрушения старых государственных форм и окончательно разбило фундаментальные основы бывшей бюрократическо-буржуазной власти. Но в то же время оно стало физическим тормозом и противодействием к созданию на местах новых форм советской государственной системы. Во многих местах обнаружилось фактическое отсутствие какой бы то ни было власти, так как не только некоторые города и уезды отказывались от исполнения «невыгодных» для них распоряжений центров, но даже и многие волости и села объявили себя «независимыми республиками».

А отсутствие на первых порах определенной, однородной, практической организационной системы сделало то, что советская форма власти не была во многих местах таковой, даже по своей внешности, не говоря уже о содержании. В некоторых уездах, вопреки

общим указаниям центра, было до ста человек членов исполнительного комитета, а в иных имелись даже свои советы народных комиссаров, наделенные суверенными правами.

Отсутствие строгой централизации и ответственного соподчинения периферии центру, исходящие из неправильного и местами даже заведомо ложного понимания принципа «власть — местам», отсутствие на местах идейных и компетентных работников при непрекращающемся организованном саботаже квалифицированной интеллигенции — были причиной того, что многие Советы оказались не только неспособными к советскому строительству и организации, но и к сопротивлению начавшей выявлять себя контр-революции. В некоторых случаях Советы своим антагонизмом к центру, своею недифференцированностью и мелочной междоусобною борьбою сами дискредитировали Советскую власть, способствуя этим работе контр-революционеров и увеличивая период фактического безвластия.

Вот почему Советская власть, почти без борьбы распространявшая свое официальное влияние на территорию всей Сибири, фактически далеко не всегда и не везде была государственною властью со всеми вытекающими из этого последствиями. Отсутствие регулярной армии и централизованного аппарата управления, в связи с вышеуказанными причинами, повлекло за собою то, что в широких рабочих и крестьянских массах Советская власть перестала быть популярной, а легальная и нелегальная контр-революция все больше и больше увеличивала свои силы.

И когда немногочисленный сибирский пролетариат, руководимый еще менее многочисленной рабоче-крестьянской интеллигенцией, неожиданно увидел, что его попустительство «идейным несогласиям» зашло слишком далеко, что контр-революция не только стала выявлять себя наружу, но и злочно приговаривать его представителей к расстрелу и даже убивать из-за угла, он пробовал объявить смертельную войну врагам Советов, но было уже поздно. Получился неорганизованный, бессильный жест в пространство и только...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Организация сил легальной и тайной контр-революции. Подпольная деятельность сибирского правительства и центров сибирской кооперации. Мировой заговор против Советской власти. Выступление чехо-словаков и боевых дружин. Начало гражданской войны в Сибири. Свержение Советской власти и провозглашение власти западно-сибирского комисариата, временного сибирского правительства и сибирской областной думы. Начало белого террора.

I

Почти параллельно с официальным распространением Советской власти на территории Сибири начала демонстративно выявлять себя и укрепляться и сибирская контр-революция.

Еще 15 декабря 1917 года, в г. Томске, весьма незначительной группой сибирских областников был созван чрезвычайный съезд Сибири, с заданиями областного и общегосударственного характера. Весьма непопулярные в народных массах сепаратистские тенденции областников, к которым до того также отрицательно относились и почти все политические партии от кадет до большевиков включительно, после падения власти Керенского стали лозунгом для партии социалистов-революционеров, которая на своем сибирском совещании решила дать Сибири «свою власть», наделив ее суверенными правами, если не будет созвано Всероссийское Учредительное Собрание. Этот съезд, руководимый партией социалистов-революционеров, после нескольких революций-протестов «всем, всем» по поводу захвата власти Советами Депутатов избрал временный сибирский областной (комитет) совет и передал ему «государственную власть» Сибири, впрямь до созыва сибирского учредительного собрания областной думой. И несмотря на то, что этот съезд вел на точку зрения отрицания коалиции с буржуазией, от последней со всех сторон посылались резолюции признания и доверия врем. сиб. совету, как власти.

Всем кооперативным союзам, городским и земским самоуправлениям, профессиональным, национальным и проч. организациям врем. сиб. советом было предложено послать своих представителей в областную думу, с ассигнованием соответствующих сумм на ее содержание. И если все рабочие организации отказались признать областной совет, то управы и городские думы официально и демон-

стративно избрали своих представителей в областную думу и ассигновали средства на ее содержание, признавая властью Сибири врем. сиб. совет.

Не встречая почти никакого официального и фактического противодействия своей контр-революционной работе со стороны Советской власти и имея в виду отсутствие средств у большинства городских и земских самоуправлений, партия социалистов-революционеров, строго руководствуясь тактикой центра — «автономные окраины — спасение России», — решила использовать в этом направлении и «мнение кооперации», богатой финансовыми возможностями. Так как членами правлений почти всех кооперативных союзов были социалисты-революционеры, а руководителями некоторых центров кооперации — лидеры той же партии, то выявить «мнение» этой кооперации было весьма не трудно, и на 6 января в Ново-Николаевске был назначен всесибирский кооперативный съезд для выборов представителей кооперации в сибирскую областную думу и выяснения своего отношения к сибирскому правительству, как и было сказано в повестке этого съезда.

Указанный кооперативный съезд открылся в Ново-Николаевске 6 января в составе 88 делегатов, 75 человек из которых были членами партии социалистов-революционеров и ей сочувствующих. Съезд этот приступил к обсуждению текущего политического момента, послал приветственную телеграмму накануне распущенному Учредительному Собранию и принял текст соответствующего обращения к населению от имени «всей кооперации».

Затем съезд заслушал сообщение представителя кооперации на сибирском чрезвычайном съезде г. Соболева о решениях, принятых этим съездом, и приступил к заслушиванию официального доклада члена врем. сиб. совета г. Патушинского по вопросу об укреплении сибирской власти. Привожу полностью содержание этого доклада по сообщению журнала «Народное Дело», № 4.

«Временный сибирский совет прежде всего направил свои усилия к тому, чтобы организовать для поддержки сибирской власти и ее мероприятий достаточную воинскую силу из полков, возвращающихся домой. С этой целью он поручил члену Учредительного Собрания полковнику Краковецкому, находящемуся в г. Киеве, при помощи украинской рады принять меры к созданию из солдат-сибиряков особых сибирских полков. По сообщению Краковецкого, рада постановила оказать этому делу самое энергичное содействие как своими организационными силами, так и средствами. Формирование на фронте сибирских полков идет довольно успешно. Сибирский областной совет посетили также представители сибирских частей, стоящих в Туркестане. Эти представители просили совет настоять на том, чтобы сибиряки из Туркестана были переведены в Сибирь. Совет вошел по этому поводу в сношение с туркестанским правительством.

Совет завязал также связи с иностранными державами через посредство своего эмиссара, находящегося на Дальнем Востоке. Иностранные державы относятся к сибирскому областному правительству самым доброжелательным образом, и представители их заявили, что они не будут протестовать против сибирской автономии.

Финансовое положение сибирского правительства весьма напряженное. Совет обращался с просьбой как в сибирские отделения государственного банка, так и частных банков с просьбой оказать ему

денежный кредит. Но банки в таком кредите отказали, опасаясь репрессий со стороны большевиков.

Совет обсуждает вопрос об организации сибирского областного банка, разрабатывает также проект выпуска сибирского выигрышного займа на 10.000.000 рублей. Но все это находится в периоде предположений и проектов. Сейчас же сибирский совет не располагает даже суммами на организацию канцелярии. По нежеланию совета, на организацию выборов в сибирское учредительное собрание понадобится не менее 5.000.000 руб. Часть этой суммы должна дать сибирская кооперация.

Положение транспорта также было обсуждено советом. Товарищ министр г. Угрюмов, вместе с американским инженером Стипенсом, строителем Пашаевского канала, посетил совет и изложил план переустройства всех сибирских железнодорожных линий. Выполнение этого плана потребовало бы, во-первых, значительных средств, а, во-вторых, времени. Кроме того, совершенно необходимо, прежде, чем приниматься за выполнение этого плана, установить в Сибири твердую, всеми признаваемую власть. Средства на переустройство сибирских железных дорог охотно дали бы американские капиталисты, если бы у них была уверенность в том, что эти средства пойдут действительно на производительные цели и будут им возвращены.

Деятельность совета встречает чрезвычайно сильные затруднения как справа, так и слева. Так, комиссар по военным делам Восточной Сибири, Шумицкий, уже прислал в совет телеграмму с угрозой разогнать сибирский совет. Весьма возможно, что эту угрозу большевики не проминут привести в исполнение. Кадеты также ставят всевозможные препятствия сибирскому правительству. В середине декабря в Томск приезжал кадет Востротин, который угрожал Позанина сложить с себя звание председателя совета.

Свой доклад г. Патушинский закончил горячим призывом прийти на помощь Сибири и принять участие во временной сибирской областной думе».

Из этого доклада выясняется весьма рельефно не только игнорирование партией социалистов-революционеров и совершенное признание ею власти Советов, но и просто пренебрежительное отношение к ней, как к только «бунтующим и мешающим работе сибирского правительства большевикам». Кооперация в целом официально старалась «не замечать» Советской власти и смотрела на нее, только как на переходящее и весьма неприятное ей явление, руководствуясь в этом направлении исключительно тезисами партии социалистов-революционеров.

Этот чрезвычайный «кооперативный» съезд, по заслушании докладов г. Соболева и г. Патушинского, долго еще метал громы и молнии в большевиков, почти единодушно оклеивая «власть захватчиков», потом разбился на секции и через три дня, именем всей сибирской кооперации, единогласно (при 11 воздержавшихся) принял следующие резолюции по вопросам текущего политического момента (см. тот же № журнала):

«1) По вопросу об организации временной сибирской думы и сибирского учредительного собрания, съезд постановил, что кооперация должна принять участие как во временной сибирской думе, так и в выборах в учредительное собрание; последнее должно действовать в строгом контакте с Всероссийским Учредительным Собранием; если же Всероссийское Учредительное Собрание к тому времени, когда будет созвано сибирское учредительное собрание, существовать не будет, то

сибирское учредительное собрание должно организовать государственную власть в Сибири совершенно самостоятельно.

2) По вопросу о представлении на выборах в сибирское учредительное собрание кооперативных списков, съезд высказался отрицательно. Постановлено оказывать содействие всем социалистическим партиям, стоящим на точке зрения непризвания власти народных комиссаров и признания автономии Сибири.

3) По вопросу о финансировании кооперацией сибирской власти, съезд постановил, чтобы районные союзы ассигновали одновременно, в виде беспроцентной ссуды, подлежащей затем возврату из общей сибирской казны, следующие суммы:

Союзы, имеющие не свыше 100 кооперативов —	5.000 р.
» » от 100 до 200 »	10.000 »
» » » 200 » 300 »	15.000 »
» » » 300 » 400 »	20.000 »
» » » 400 » и более »	25.000 »

При чем центральные кооперативные организации областного типа: «Закупбыт», союз кредитных союзов, союз сельскохозяйственных артелей и народный банк должны теперь же ассигновать в распоряжение сибирского правительства, в форме беспроцентной ссуды, по сто тысяч рублей; независимо от единовременных возвратных ассигнований, съезд постоянно предлагает всем кооперативным союзам немедленно сделать безвозвратное отчисление в размере $\frac{1}{4}$ процента с общей суммы последнего баланса или в размере 10% с суммы всех пасивных капиталов. Кроме этого, съезд признает весьма желательным, чтобы союзы сделали ассигнования сибирскому правительству из прибылей 1917 г.

4) По вопросу о выборах представителей кооперации в сибирскую областную думу, в которой кооперации предоставилось 22 места, съезд постановил это количество депутатских мест распределить следующим образом: от центральных кооперативных организаций по одному и по шесть от трех видов кооперации — потребительной, кредитной и производительной».

На этом съезде стало известно, что некоторые иностранные державы предполагают оккупировать Дальний Восток. И все же кооперативный всесибирский съезд, или, вернее, съезд партии социалистов-революционеров, не нашел нужным протестовать и негодовать против начала интервенции, а только постановил просить сибирское правительство, чтобы оно немедленно выяснило цели оккупации. Хотя те же социалисты-революционеры, пользуясь всеми возможностями, широко демонстрировали «продажность» большевиков, склоняя по всем надеждам переговоры Советской власти с Германией о мире и в то же время всячески отеняя свою исключительную патристичность и политическую прямолинейность.

Вскоре же, по окончании этого чрезвычайного всесибирского кооперативного съезда, кооперация послала своих представителей в областную думу, т. е. Кубасова, Жернакова, Куликова, Горохова, Тулышкова, Окорокова, Курского и др., почти все члены партии социалистов-революционеров, а на местах начались противоборствующая агитация и всяческое дискредитирование еще только налаживающегося аппарата Советской власти.

Почти все кооперативные, областные и районные союзы выразили свою линию поведения к съезду и, открыто игнорируя власть Советов, демонстративно принимая к себе на службу всех заведомых и законных контр-революционеров и лиц саботирующих

Советы. — в то же время не менее открыто и демонстративно послали своих инструкторов и представителей в сельские местности для противосоветской пропаганды и агитации.

Этот момент совпал с периодом прекращения на территории Сибири свободной торговли, право на которую, с массой реквизированных у буржуазии товаров, Советская власть предоставила исключительно кооперативным союзам, и они, в короткий срок разбогатев в несколько раз и получив возможность оперировать крупными материальными ресурсами, еще более интенсивно занялись политической контр-революционной деятельностью.

В январе в г. Томске состоялся официальный съезд членов сиб. областной думы, долженствующий дать «народам Сибири законную и независимую от большевиков власть». Но, на этот раз, томский губернский исполнительный комитет Советов напомнил собравшимся социалистам-революционерам, что власть «уже имеется», и областная дума вместе с врем. сиб. Советом была распущена. Тем не менее, через некоторое время после этого, 29 января, на закрытом и тайном заседании 60-ти членов сибирской думы было избрано врем. сиб. правительство, в составе: Дербера, Патунинского, Вологодского, Новоселова, Моравского, Краковецкого, Жернакова, Шатилова, Захарова, Крутовского, Сулима, Тибер-Петрова, Окорокова, Серебренникова, Колосова, Юдина и Михайлова, которые объявили себя «единственной законной властью автономной Сибири» и частью ввезли на Дальний Восток, частью остались в Сибири для организации боевых дружин и свержения Советской власти; при чем Новоселов был командирован в Москву для связи и информации с ЦК партии правых эс-эров и др. организаций.

И если до этого социалисты-революционеры игнорировали и старались вообще «не замечать» Советской власти, шумно заявляя, что власти как в Сибири, так и в России никакой нет, что мирные переговоры с Германией ведут самочинно большевики, а не русское правительство и т. п., то после роспуска областной думы они неожиданно изменили фронт и не только «заметили» существовавшие власти, но и начали истерически вопить, что она слишком «твердая».

«Теперь, через одиннадцать месяцев (пишут они в своей газете «Дело Народа» от 4-го февраля), прошедших со дня свержения самодержавия, мы видим, что мы точно возвратились к старому.

Как будто русская революция совершила какой-то скалочный круг и вернулась к своей исходной точке — к тому самому самодержавию, только к самодержавию не Николая II, а народных комиссаров, унаследовавших от старого самодержавия все его возмутительные евюфетна.

Мы видим, что из смены русской жизни выстуил снова и проводится с тою же царской последовательностью ненавистный нам принцип «твердой власти».

× «Твердая власть» в свободном государстве... Да, и в свободном государстве должна существовать твердая власть, но твердая власть республики отнюдь не должна напоминать пропавла царского самодержавия, пытаясь добиться своего приказания от народа.

Посмотрим же, как утверждают свою власть большевики. Точив-в-точь так же, как это делало царское правительство.

Захватив власть вооруженным насилием, они объявили войну всем, не признающим их власти, не только отдельным гражданам, но и целым областям, входящим в состав Российской республики и стремящимся к независимости и автономии.

Так поступили они с Украиной, силой оружия заставив ее «признать» центральное правительство. Так же насилуют они и всю Сибирь, арестовав часть областного сибирского совета и сибирской областной думы и тем воспрепятствовав созыву Всероссийского Учредительного Собрания.

Надо ли говорить, что, ведя такую политику «твердой власти», большевики совершенно забыли о том, чему они еще недавно поклонялись. Они забыли, что они социалисты и что, как таковые, они должны бы действовать совсем не теми методами старого самодержавия, какими они действуют, проводя свою политику «твердой власти». Они забыли все свое прошлое. Но, самое главное, утратив власть, они основательно забыли, что в демократическом государстве не царь существует для правителей, а правители служат народу, и что пресловутая «твердая власть» должна существовать не для спокойствия народных комиссаров, а для ограждения свободы и права республиканского народа.

Все это они забыли, повидимому, решительно и бесповоротно. Будем верить, что им об этом скоро напомнит революционный трудовой народ.

Около факта роспуска областной думы и ареста некоторых видных ее членов, — не только эс-эрами, но и всеми другими правыми партиями, до монархистов включительно, было создано и поднято очень много шума, хотя все арестованные вскоре же были освобождены.

Вообще же вся правая и даже черносотенная Сибирь, в своем поведении по отношению к Советской власти, начинала равняться исключительно на партии социалистов-революционеров и была вполне солидарна с ее несогласиями, требованиями и противосоветскими лозунгами.

Отсутствие суровой ответственности за контр-революционную деятельность, бессистемные аресты и освобождение всех замешанных даже в активной антисоветской деятельности — еще более окрылило врагов Советской власти, и они стали ходить даже до шокирования своей смелостью, самоуверенностью и безответственностью. Создалась своего рода мода «страдать за идею» и открыто не признавая «власти захватчиков», истерически призывать к «Учредительному Собранию, народовластию» и т. п. И, велед за социалистами-революционерами, это делали даже те, кто и раньше и впоследствии также рьяно защищал «суверенные права законного государя императора».

Еще более наделало шума, когда Совет Народных Комиссаров, исходя из принципов советской экономической политики, постановил подчинить государственному контролю деятельность кооперативных союзов и поставил ребром вопрос о национализации кооперации. И в числе присяжных защитников кооперации оказались даже видные идеологи буржуазии, которые, совершенно забывая, «кто они», начали усиленно доказывать нецелесообразность и гибельность указанных намерений Советской власти.

Для контр-революции всех оттенков было весьма ясно, что только денежными средствами кооперации можно было произвести еще государственный переворот и покончить с Советской властью, и они всеми способами старались отстоять «независимость» этой кооперации.

Они, конечно, были более чем правы в своих невысказываемых открыто мыслях.

II

Выбитая из привычной колеи российская буржуазия, хотя и разбитая и без длительной борьбы уступившая свои позиции трудящемуся классу, несомненно, более всех была заинтересована в подавлении революции и в возвращении к старым государственным формам власти. Но все ее самостоятельные попытки в этом направлении кончались для нее весьма неудачно. Организованный ею корниловский поход против революции кончился для нее большим конфузом; вынужденный с той же целью из подполья отчуждения Кит.-Вост. жел. дор. есаул Семенов тоже слишком рано «раскрыл свое инкогнито» и подавал мало надежд в роли всероссийского завоевателя, хотя и выступал за «Учредительное Собрание» и «свободу труда». А поэтому буржуазия всех видов и оттенков неожиданно сделалась рыной последовательницей народоправческих идей и не менее рыной защитницей эс-эровских центральные реценентов по возрождению и спасению русского народа.

Распевая на все лады льстивые дифирамбы прошлому и настоящему партии социалистов-революционеров и всячески отнекая, что «к прошлому не может быть возврата», все легальные и нелегальные собрания представителей буржуазии стали единогласно приходить к выводу, что «спасение России только в Учредительном Собрании и в переходе власти к городским и земским самоуправлениям». Пока что буржуазия умалчивала даже о свободе торговли и коллизионных началах, разделяя исключительно противосоветское мнение партии соц.-рев.

Еще более вдохновленная и убежденная в правоте своих действий такой увесистой и единодушной поддержкой «общества», партия эс-эров. после роспуска областной думы, постановила быть «более решительной» и начать практически осуществлять свержение Советской власти вооруженным путем.

Снабженная кооперацией миллионами рублей, партия социалистов-революционеров уже в марте месяце смогла иметь целую сеть нелегальных противосоветских дружин, особенно и не менее успешно организуя их во всех центральных районах Сибири.

В то же время часть ее представителей, в лице группы членов сибирского правительства, устроившись в пределах Манчжурии, успешно выполняла дипломатическую работу, привлекая в Сибирь «инострательную поддержку» и добываясь всячески «союзного признания», а часть даже изменила сама себе, войдя в состав «делового кабинета» верховного правителя России — генерала Хорвата.

В г. Ново-Николаевске был создан центральный военный штаб по свержению Советской власти в Сибири. Во главе его встали социалисты-революционеры: Сазаонов, Н. Фомин, Б. Марков, П. Михайлов и капитан Гриницу.

В Томске создать боевую организацию было поручено подполковнику Пепеляеву, в Иркутске — подполковнику Елец-Усову, в Барнауле — подпоручику Ракину, в Семипалатинске — есаулу Сидорову, в Челябинске — подполковнику Войцеховскому, в Омске — подполковнику Иванову-Ринову, в Ново-Николаевске — капитану Гриницу-Алмазову, и так во всех крупных городах Сибири.

В боевые дружины сначала постановлено было принимать исключительно членов партии эс-эров или ее рекомендованных, но затем стали принимать всех, убежденных в необходимости вооруженного свержения Советской власти; больше же и охотнее всего в них принимались бывшие офицеры, так что местами дружины составлялись почти из одних офицеров.

Всем, состоящим в нелегальной организации, с момента зачисления выплачивалось содержание в размере прожиточного максимума.

Центральный штаб, особым приказом от 28 марта, рекомендовал местным штабам нелегальных организаций заниматься не только вербовкой дружинников и количественно увеличивать состав организации, но и всячески стремиться к разрушению и дискредитированию Советской власти, используя для этого все возможные меры. Поэтому весьма многие советские учреждения имели у себя на службе агентов нелегальных дружин, а в некоторых местах нелегальные организации имели своих представителей даже в советских контр-разведках и военных оперативных штабах (в Барнауле, Иркутске, Ново-Николаевске и др.).

В апреле центральному штабу стало известно, что в Москве, в связи с прибытием из Парижа представителя французского генерального штаба, полковника Корбейль, начальником французской военной миссии генералом Лаверне и английской — генералом Локкарт, с участием представителей русской академии генерального штаба, полковника Сыромяшников и генерала Иностранцева, разрабатывается план свержения Советской власти и возобновления противогерманского фронта на территории России.

Для координации действий и информации о положении дела в Сибири 14 апреля в Москву был послан представитель центрального штаба, капитан Кошкин, который, с документами представителя союза сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт», совершенно свободно доскал до Москвы, принимал участие в контр-революционном совещании в стенах французской военной миссии и так же свободно возвратился в Ново-Николаевск.

На этом московском совещании решено было, что чехо-словацкие войска, эвакуируемые на Дальний Восток с согласия Совета Нар. Комиссаров, постепенно займут наиболее стратегические опорные пункты Уссурийской, Сибирской и Уральской железных дорог и, координируя свои действия с нелегальными контр-революцион-

ными организациями, выступят против Советской власти. За эту «услугу» английское и французское правительства обязывались помочь отделению чехо-словаков от Австро-Венгрии и признать будущую Чехо-словацкую самостоятельную республику и в дальнейшем выплачивать содержание чехо-словацким войскам. При этом, учитывая настроение чехо-словацких войск, имелось в виду «убедить» военного и морского комиссара Советской республики, Л. Троицкого, «разоружить» чехо-словаков, что должно было послужить сигналом и быть оправданием в глазах последних факта их противосоветского выступления.

Окрыленный надеждами будущей помощи чехо-словаков и уже окончательно уверивший в успехе своих замыслов, центральный штаб сибирской контр-революции 3 мая вызвал в Ново-Николаевск представителей от штаба местных нелегальных организаций для информации и инструкционных указаний. Тогда же были выработаны шифр секретных сношений, и в распоряжение местных штабов, нередко переводами через кооперативные союзы, были переправлены крупные суммы денег.

По настоянию этого же штаба, правление «Закупсоюза» еще раньше заключило договор с чехами, обеспеченный французским правительством, на поставку им интендантских продуктов.

На местах, а в особенности в сельских районах, представителями нелегальных организаций началась усиленная скупка вооружения. Возвратившиеся по демобилизации во многих случаях с оружием в руках, бывшие солдаты весьма охотно отдавали это оружие агентам Советской власти и весьма охотно его продавали, в особенности, за хорошие деньги.

В большинстве случаев, представители нелегальных организаций, скупая оружие в сельских местностях, выступали в качестве закупщиков местных кооперативных союзов, имея для этого надлежащие документы. В редких случаях у них имелись поддельные мандаты от Советской власти.

В Омске, Ново-Николаевске, Барнауле и Красноярске нелегальные противосоветские штабы делали попытки выкрасть оружие из советских arsenалов, но безуспешно. И только в г. Томске контр-революционной организации удалось, при участии сторожей, ограбить один склад с боевыми припасами и оружием. Впоследствии томский губернский исполнительный комитет Советов обнаружил часть выкраденного оружия в кладовых томского губернского союза кооперативов, председателем которого был известный эс-эр, В. Л. Бурякин.

III

О существовании контр-революционных военных организаций Советской власти стало известно в конце апреля, а местами даже раньше. Но отсутствие какого-либо централизованного общего плана по борьбе с контр-революцией и особенно регулярной вооруженной силой парализовали и только делали смешными все попытки местных Советов по ликвидации белогвардейских групп.

И хотя еще в марте месяце были созданы западно-сибирский, средне-сибирский, восточно-сибирский, дальневосточный и все-сибирские военные комиссариаты, которые должны были иметь однородные и подчиненные им отделы при всех губернских и уездных исп. ком. Советов,—на местах, в большинстве случаев, фактически таких отделов не было, и никакой организационной работы по созданию кадровых частей Красной армии не делалось.

Объяснялось это, помимо уже известных причин, еще и тем, что в среде даже идейных советских работников существовали разные точки зрения по вопросам организации вооруженных сил и на способы борьбы с активной контр-революцией, и единодушие местных Советов по этим вопросам выявлялось только в виде весьма редких исключений.

Одни стояли за организацию постоянных кадров только милиции и за обязательное предварительное военное обучение всех граждан без исключения; другие, помимо милиции, допускали необходимость организации только рабочей Красной гвардии на ратнических началах; третьи — за организацию и милиции, и Красной гвардии, и регулярной Красной армии и т. д.

Определенные указания в этом направлении Сов. Народн. Комиссаров и центральной сиб. власти чаще всего игнорировались местными Советами, а иногда и намеренно не исполнялись.

Кроме этого, много военных работников и лучших рабочих добровольческим путем было отправлено на манчжурский фронт, где есаул Семенов к этому времени уже сумел захватить несколько станций Забайкальской железной дороги, стать атаманом и расстрелять сотни революционеров. Командующим забайкальским фронтом был назначен поручик С. Лазо, а начальником штаба фронта — бывший начальник штаба Иркутского военного округа, генерал-лейтенант Таубе, которые к началу весны должны были ликвидировать или изгнать из пределов России манчжурскую контр-революцию.

Поэтому бороться на местах с уже вооружившейся контр-революцией или считалось трудным делом, или не хватало умения и желания.

Арести офицеров (часть нелегальных организаций), производившиеся в некоторых городах Сибири, только еще больше воодушевляли и подзадоривали вконец обнаглевших контр-революционеров и лишь раз подтверждали, что фактически строгой и организованной Советской власти на местах совершенно нет.

Такие аресты только производили много шума и ненужного крика и чаще всего оканчивались освобождением даже активных контр-революционеров. Они служили только вершинами агитационными средствами для партии социалистов-революционеров, укрепляя ее «прямолинейную независимость», и, в лучшем случае, служили демонстрацией безвластия Советской власти.

И, тем не менее, даже эти аресты, не влекшие за собою для контр-революционеров почти никаких последствий, послужили причиной открытого преждевременного вызова их Советской власти.

Незаконные организации Омска, Красноярска и Барнаула, большинство которых принадлежало офицерам, своими постановлениями в мае месяце приговорили к смертной казни и объявили «вне закона» многих ответственных советских работников, преимущественно бывших офицеров.

IV

Ни буржуазии, ни монархистов, ни черносотенцев, которые так храбро заявляли о своем существовании во времена правительства Керенского, — не стало.

На территории всей Сибири существовали только «честные, принципиальные, всегда готовые бороться с самодержавием» — социалисты-революционеры и «захватчики власти, узурпаторы, предатели и грабители» — коммунисты-большевики. И даже социал-демократы меньшевики, если официально были несогласны с эсеровским способом свержения власти Советов, то персонально в большинстве своем были вполне солидарны с ним.

И только немногочисленные группы социал-демократов интернационалистов и левых социалистов-революционеров делали вполне правильный прогноз надвигающимся событиям и предсказывали, что вооруженное свержение власти Советов приведет только к ненужной братоубийственной войне, окончательному обеднению русского народа и расчистит дорогу самой черной реакции, которая в потоках крови утопит всю демократию в целом, без разделений на большевиков, меньшевиков и социалистов-революционеров.

Но они были одиноки и событий предотвратить не могли. Хотя предсказания их уже сбывались в пределах Дальнего Востока, где гражданская война, начатая во имя Учредительного Собрания, уже дала «верховному правителю земли русской» в лице ставленника харбинской реакции — генерала Хорвата.

Не менее правильно оценивали политическое положение и крайние правые политические партии и группы до монархических приходских и сархальных советов включительно. Но, конечно, меньше всего они заинтересованы были в предрешении будущих перспектив.

Даже больше того. Весьма многочисленные собрания, районные и всесибирские съезды приходских и сархальных советов официально, во всеуслышание, заявляли, что они считают законной властью только Всероссийское Учредительное Собрание и призывают «православных русских людей к активной борьбе с поработителями трудового народа».

Не менее «революционным» по отношению к власти Советов было и местное духовенство, которое, забыв о былых временах, единодушно и весьма смело, с амвонов церквей и импровизированных трибун площадей, пользуясь каждым удобным моментом, призывало русский народ к свержению большевиков и защите «всеобщего» избирательного права.

О буржуазии и говорить не приходится. Официально ее не существовало, она была растоптана и обезличена; фактически ее

мнение о Советской власти совершенно слилось с мнением партии э.р. Опыты с Корниловым, Семеновым, Дутовым на этот раз буржуазией были вполне учтены и приняты во внимание.

Наличие крайней остроты в тактических взаимоотношениях с Советской властью и, как следствие этого, нежелание заглянуть в возможности завтрашнего дня стремительно подталкивали социалистов-революционеров к скорейшему логическому завершению их загоюрических стремлений и к началу неслыханной кровавой братоубийственной войны.

И война началась. Черный туман надолго заволок территорию Советской Сибири и залил ее поля, реки и тундры пепельной кровью сотен тысяч людей.

V

Как и рассчитывал англо-французский генеральный штаб, в лице его представителей в России, в середине мая в печати появились сообщения о готовящемся вооруженном выступлении чехо-словацких войск против Советской власти. Появились эти сообщения не только во всех оппозиционно и враждебно настроенных к Советам газетах, но местами даже и в некоторых официозах исполнительных комитетов Советов.

В это же самое время, т.е. 14-го мая, в гор. Челябинске состоялось совещание представителей чехо-словацкого и англо-французского командований, центрального штаба сибирских боевых дружин и военного отдела комитета членов Учредительного Собрания. Из Ново-Николаевска на это совещание приезжал капитан Гришин-Алмазов, а из Самары — капитан Каншель и полковник Галкин.

На этом совещании был выработан план будущего выступления. По этому плану чехо-словацкие эшелоны должны были сконцентрироваться в семи пунктах, т.е. во Владивостоке, Канске, Мариинске, Ново-Николаевске, Петропавловске, Челябинске, Самаре, Уфе, при чем последний, ново-николаевский и челябинский пункты были основными и руководящими.

Тогда же решено было попрежнему всячески уклоняться от выполнения соглашения чехо-словацкого национального совета, в лице отделения в России, с Советом Народных Комиссаров от 26 марта и приказа по корпусу от 27 марта № 35, по которому чехи должны были ехать во Владивосток, как группа свободных частных граждан, а не в виде войсковых частей, и объявлялись все свое вооружение, исключая 168 винтовок и одного пулемета на эшелон, сдать пензенскому исполнительному комитету. Это же совещание постановило, по рекомендации соответствующих противосоветских организаций, принимать, как и раньше, на службу в чехо-словацкие части русских офицеров.

Вскоре, после этого, чехо-словацкие эшелоны были сгруппированы на линии железных дорог следующим образом: во Владивостоке — около 14.000 человек, под командованием начальника штаба корпуса генерал-майора Дидерихса; в районе Нижнеудинск. —

Канск — около 1.500 человек, под командой подполковника Ушакова; в Мариинском районе — около 1.000 человек, под командой капитана Кадлеца; в районе Ново-Николаевск — Чулымская — около 2.500 человек, под командованием штаба-капитана Гайда; в районе Марииника — Петропавловск — около 2.000 человек, под командованием капитана Жака; в районе Челябинск — около 6.000 человек, под командованием поручика Сырового и подполковника Войцеховского, и в районе Сызрань — Пенза — Сердобск — около 10.000 человек, под командованием начальника 1-й дивизии генерал-майора Коломенского и начальника его штаба полковника Леонтьева. Последние, в момент выступления, сомневаясь в его успехе, отказались от командования и были заменены поручиками Чечек и Швец.

Пензенская группа по плану должна была сгруппироваться в районе Самара — Уфа, но, в силу целого ряда непредвиденных обстоятельств, до момента выступления не смогла этого сделать.

Всего чехо-словацких войск, включая сюда и отдельные эшелоны, бывшие в г. Иркутске и двигавшиеся по Забайкальской и Амурской железным дорогам, было не больше 40.000 человек.

17 мая 1918 г. следственная комиссия челябинского Совета Депутатов арестовала нескольких чешских офицеров и солдат, подозревая их в сношениях с контр-революционерами. Тогда же подполковник Войцеховский занял вокзал станции Челябинск и предъявил ультимативное требование Совету об их освобождении. И хотя этот инцидент был улажен без кровопролития, но он весьма рельефно обнаружил, что чехо-словаки, вопреки распоряжениям, не только до сих пор не сдали оружия, но представляют из себя весьма внушительную силу, определенно враждебную Советской власти и руководимую русскими офицерами.

Ввиду этого, при весьма перенной обстановке на местах, вызванной всевозможными слухами о предполагаемом контр-революционном выступлении чехо-словаков, 23 мая 1918 г. последовало секретное распоряжение начальника оперативного отдела комиссариата по военным и морским делам Советской республики Н. Арлоза челябинскому и пензенскому исполкомам о немедленном обезоружении чехо-словацких войск, находящихся в их районах.

Вполне понятно, что «секретное» распоряжение сразу же сделало достоянием всей антисоветски настроенной печати, которая толковала этот приказ, как желание Совета Народных Ком. обезоружения чехо-словаков отправить в их бывшую империю, по требованию австро-германского генерального штаба. И, конечно, при этом не забывалось лишней раз оплевать и обвинить Советскую власть в продажности немцам, в предательстве и т. д. Об истинном же характере имевших произойти последствий от этого распоряжения в большинстве случаев умалчивалось.

Предложение о разоружении было категорически отвергнуто чехо-словацким командованием в лице образованнейшего по совету партии социалистов-революционеров временного исполнительного комитета, который 23 мая отдал приказ по корпусу: «оружие ни

в коем случае не сдавать», — и приступил к подготовительным шагам выступления против Советов.

На другой день, под разными предлогами, из Омска по направлению к Челябинску выехали чины бывшего там штаба чехо-словацкого экспедиционного корпуса, вместе с членами чешского национального совета.

Центральный штаб по делам свержения Советской власти в Сибири тоже лихорадочно готовился к выступлению. Многие кооперативные союзы (Енисейский и др.), будучи в курсе всех заговорческих дел партии эс-эров, огорчились на месяц собираемые на первые числа июня кооперативные съезды, даже не считая нужным мотивировать свои решения.

Самоуверенная и торжествующая сибирская контр-революция считала достаточным одного месяца на свержение Советской власти на всей территории Сибири и уже не считала нужным, после приказа по чехо-словацкому корпусу, стесняться и в дальнейшем умалчивать о своих замыслах, и в обращении от 25 мая заявляла:

«Захватившие в октябре месяце, путем обмана и насилия, государственную власть России петроградские большевики на всех сил стараются угодить своим немецким хозяевам.

Сначала они уничтожили российскую победоносную армию и заключили «справедливый» мир с германским кайзером Вильгельмом. Потом отдали немцам целый край с русскими городами и населением и все золотые запасы русского народа. Затем услужливо помогли германским империалистам совершить государственный переворот на Украине и 29 апреля дать украинскому трудовому народу самодержца гетмана Скоропадского, определенного ставленника Вильгельма.

Теперь большевики готовятся произвести новое предательство и по приказу из Берлина обезоружить и продать наших братьев, чехов, австро-венгерскому императору Карлу для расправы над ними за их помощь русскому народу и неуклонную преданность нашим союзникам.

И все это делают большевики от имени русского народа. Именем рабочих и крестьян.

Неужели трудовой народ, рабочие и крестьяне, и в дальнейшем так же безразлично будет относиться к преступной распродаже ему одному принадлежащих богатств?

Неужели он не предостережет совершающееся предательство над его братьями и не сбросит с себя ярмо немецких ставленников и большевистских комиссаров?

Пора всем понять, что этого требуют интересы не только России, но и национальная честь великого русского народа.

Довольно быть наивными и индифферентно относиться к интересам своей родины. Впереди еще могут быть и будут светлые, радостные и свободные дни. Надо только действовать. Все остальное может быть дано русскому народу им же избранным всеобщим учредительным собранием».

В этот же день был опубликован в газетах следующий телеграфный приказ:

«Из Москвы, 25-го мая, 23 часа. Самара, ж. д., всем Советам по ж.-д. линии от Пензы до Омска.

Все Советы под страхом суровой ответственности обязаны немедленно разоружить чехо-словаков. Каждый чехо-словак, который будет найден вооруженным на линии железной дороги, должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один воору-

женный, должен быть выгружен из вагонов и заключен в лагерь для военно-плешных. Местные военные комиссары обязуются немедленно исполнить этот приказ, всякое промедление будет равносильно бесчестной измене и обрушит на виновных суровую кару. Одновременно присылаются в тыл чехо-словаков надежные силы, которым поручено проучить неповинующихся. С честными чехо-словаками, которые сдадут оружие и подчинятся Советской власти, поступить как с братьями и оказать им всяческую поддержку. Всем железнодорожникам сообщить, что ни один вооруженный вагон чехо-словаков не должен продвигаться на восток. Кто уступит пассивно и окажет содействие чехо-словакам в продвижении их на восток, будет сурово наказан.

Настоящий приказ прочесть всем чехо-словацким эшелонам и сообщить всем железнодорожникам по месту нахождения чехо-словаков. Каждый военный комиссар должен об исполнении довести. 377. Народный комиссар по военным делам Л. Троцкий».

И в этот же день через правление «Закупсыбыта» был отправлен шифрованный телеграфный приказ чехо-словацким войскам и нелегальным боевым дружинам, отредактированный членом правления «Закупсыбыта» Н. Фоминым и капитаном Гайдою.

Братоубийственная война против Советской власти, во имя Учредительного Собрания, всеобщего права, войны с Германией и т. п., на территории Сибири началась.

VI

25 мая, в три часа дня, чехо-белогвардейские войска выступили и захватили станцию и город Мариинск. В час ночи на 26-ым был занят Ново-Николаевск. В этот же день советскими войсками в г. Иркутске, во исполнение приказа комиссара по военным и морским делам, были обезоружены два чехо-словацких эшелона. Прибывшие к этому времени на станцию Батарейную другие эшелоны чехо-словаков напали на станцию Иркутск и начали наступать к городу, но ввиду соотношения сил в пользу Советской власти, по настоянию консулов, 27-го утром они сдали оружие и с согласия военного комиссариата были отправлены на восток.

27-го был занят Челябинск. В тот же день Советская власть сделала попытку обезоружить чехо-словацкий эшелон, находившийся на станции Мариановка (вблизи Омска), но неудачно. Количественно превосходящая в несколько раз своего противника, Красная армия настолько же уступает ему качественно.

28-го занят г. Нижнеудинск; 29-го — Канск, Пенза и Сызрань; 30-го — Батраки и мост через Волгу; 31-го — Петропавловск, Тайга, Томск и станции Майгута на левом берегу Волги.

2 июня занят Миасс, Курган; 8-го, после сильного боя у станции Веземчук, занят Самара, и в тот же день советские войска, разбитые у станции Мариановка, оставляют Омск, который занимает эсэровской боевой дружиной, а на другой день — чехо-словаками.

Выступив разрозненно, чехо-белогвардейские войска вскоре соединяются: 1 июня у Тайги, 3-го у г. Петропавловска и 9-го у ст. Татарск, образуя сплошную и сильную противосоветскую цепь

Миасс — Мариинск, разрозненную только с головными и арьергардными районами.

Неожиданные и для самих чехо-белогвардейских руководителей колоссальные успехи, достигнутые в такой короткий срок, помимо уже известных причин, объясняются еще и той растерянностью, которая доминировала в настроении почти всех местных советских деятелей.

Так, например, г. Омск¹⁾ был захвачен отрядом капитана Иванова-Ринова и чехами исключительно благодаря растерянности окружного военно-революционного штаба, который, располагая большой по тому времени вооруженной силой, свыше 3.000 штыков, 168 пулеметов, артиллерией, большим количеством патронов и пр., еще 7 июня, без особых оснований, решил эвакуироваться по Иртышу на север и оставил фронт на произвол судьбы. Такое неожиданное бегство штаба на пароходе из Омска внесло переполох и растерянность не только в ряды Красной армии непосредственно этому штабу подчиненные (под Н. Николаевском и Мариановкой), но деморализующе подействовало и на все остальные боевые участки Сибирского фронта.

Имело также большое значение отрицательного характера почти полное отсутствие своих военных специалистов в рядах Красной армии и гвардии: важнейшим боевым участком, Омским, командовал тов. Звездов, простой рабочий, бывший солдат, и это, конечно, содействовало падению омского фронта.

Там, где военными действиями руководили военные специалисты (бывшие офицеры) т.т. Лазо, Везижев, Сулим, Кистер, Малюков и др., патиск чехо-сибирских войск встречал более организованный отпор (на Забайкальском и Алтайском боевых участках) и даже держался месяцами (под Читой).

VII

В первый же день выступления чехо-белогвардейских войск, в местах, освобожденных от Советов, появилась новая власть в лице западно-сибирского комиссариата временного сибирского правительства, который состоял из эсэров: В. Сидорова, М. Лидберга, П. Михайлова и Б. Маркова. В своем обращении к населению от 9 мая комиссариат заявляет, что он является временной властью до начала работы самого сибирского правительства и призывает всех мужественно встать на защиту «революционной народной власти» и повсеместно свергнуть власть «захватчиков, предателей и узурпаторов».

Объявляется мобилизация офицеров; всем городским управам и земствам предлагается приступить к исполнению их «законных обязанностей». При всех земских и городских управах создаются отделы по приему добровольцев в ряды сибирской армии; капитал

¹⁾ Томск также был оставлен ревштабом задолго до прихода чехо-словаков.

Гришин-Алмазов производится в полковники и назначается командующим западно-сибирской армией; капитан Гайда — командующим восточным фронтом; поручик Сыровой — томенским, подполковник Войцеховский — троицко-златоустовским.

Партия социалистов-революционеров объявляет о повсеместной мобилизации своих членов для активной вооруженной борьбы с Советской властью.

Но на первых же порах между членами комиссариата и его военной частью происходит раскол на почве отношения к «побежденным врагам». Комиссариат был против политической мести и немотивированных, ничем не вызванных расстрелов; военные же руководители стояли за «уничтожение на месте» всех коммунистов и советских военных работников и с самой суровой беспощадностью проводили в жизнь свои «начала борьбы за справедливость».

Эти расхождения «во взглядах», правда, не уменьшили пыла в комиссариате, но заставили его назначить своих особополномоченных при командующих фронтами, на что некоторые начальники сразу же дали понять, что они «не нуждаются в комиссарах» и категорически не согласились с ними. Назначенные же — при Гайде Н. Фомин и при командующем барнаульским фронтом поручик Гусарик — член областной думы В. Михайлов, — в силу своих индивидуальных качеств, только способствовали дальнейшему распространению системы «законной расправы», и фактически стали исключительно офицеры, в большинстве своем сразу же сбросившие с себя эс-эровское пародоправческое забрало.

Ввиду этого почти все идейные советские деятели, в некоторых случаях уже ранее объявленные «вне закона», беспощадно расстреливались войсками Учредительного Собрания (так называли себя белогвардейцы), а бывшие, и даже не бывшие, в Красной армии мадьяры, немцы и чехи передавались на «суд» чехо-словацкому командованию, которое также беспощадно расправлялось с ними.

Последнее обстоятельство послужило причиной согласованного единения прифронтовых Советов Красноярска, Барнаула и Екатеринбургa: было учтено колеблющимися социалистическими партиями, которые, охлажденные перепективками ликвидации Советов, встали на сторону активной защиты Советской власти и дали возможность советскому командованию в короткий срок выдвинуть против чехо-сибирских войск много превосходящий по количеству вооруженный заслон Красной гвардии и армии.

Но, технически неподготовленные, недисциплинированные и неспаянные общим военным духом, советские вооруженные силы могли только отсрочить на несколько дней победоносное шествие сибирской контр-революции и, после дружного нажима чехо-сибирских войск, оказались неспособными даже к оборонительным операциям и побежали, кто куда и кто как мог.

На барнаульском направлении, после первых же значительных схваток с чехо-сибиряками, красные войска начали панически разбегаться, и 15 июня оставили г. Барнаул; под Мариинском, 16-го, незначительное количество чехо-сибирских войск разбило окон-

чательно многотысячную енисейскую Красную армию, освободив себе дальнейший путь на восток, и 19-го соединились с контр-революционными частями подполковника Ушакова, захватившими станцию Красноярск и город еще 18-го числа.

Не менее успешны дела для чехо-сибирских войск были и на екатеринбургском направлении, где 10 июня ими был взят г. Кыштым, а 28-го — станция Голышманово, сильно укрепленная Красной армией.

В силу этих же причин красные войска не смогли противостоять незначительным группам противника даже в таких местах, где, казалось, перевес был исключительно на стороне советского командования. Так, 18 июня чехо-сибиряками взят г. Троицк, а 20 — Бузулук, где были сконцентрированы еще раньше большие силы для ликвидации контр-революционных попыток атамана Дутова, со стороны Оренбургского казачьего района.

Почти панически отступала Красная армия на всех многочисленных фронтах и в дальнейшем.

29 июня чехо-словаки и белогвардейцы выступили и захватили г. Владивосток, 4 июля — Оренбург, 6-го ими занят г. Никольск-Уссурийский. Здесь перевес остается за красными войсками, и разбитые чехи подкрепляются японцами, после чего советские силы отступают к Спасску, уступая в дальнейшем свои позиции после сильных столкновений.

В этот же день, при помощи дальневосточной группы сибирского правительства, в лице Доржера, Моравского, Захарова, Жерякова и др., Владивосток объявляется под международным контролем; до того русский город и порт начинает бдительно охраняться дефилирующими по его улицам смешанными чехо-словацкими, английскими, американскими, японскими и китайскими караулами.

6-го же происходит соединение чехо-сибирских войск с самароуринской контр-революционной группой на станции Усть-Катав Сам.-Злат. жел. дороги, которая до этого, почти без задержки, заняла все города и станции этой дороги, начиная от Самары. 11-го ими почти без боя занят Иркутск, 18-го красные войска разбиты перед Спасском, 25-го полковник Войцеховский занял г. Екатеринбург.

3 августа по Владивостоку высаживаются дополнительные отряды союзных войск, часть которых вскоре распространяет свое влияние на Уссурийской, Китайско-Восточной и Забайкальской жел. дорогах, а японцы начинают усиленно помогать сибирскому правительству ликвидировать Советскую власть в Хабаровском и Благовещенском районах, с цветами и хлебом-солью торжественно и радостно везде встречаемые торгово-промышленниками, духовенством до уже «бывших» социалистов-революционеров включительно.

К началу августа почти все города Сибири и Дальнего Востока были захвачены чехо-сибирскими войсками. Фронты перенеслись уже за Урал и к Волге и сохранились еще только в Забайкалье, где наличие естественных препятствий и большого количества организованных советских частей с манчжурского фронта дало воз-

возможность красному командованию оказать длительное сопротивление силам международной и сибирской контр-революции.

Контр-революция с колокольным звоном, пением марсельезы и «боже, царя храни», пышно, торжественно и радостно праздновала свою победу над большевиками, на все лады воспевал успехи международных и сибирских войск.

Но она уже далеко была от единодушия и единомыслия, бывшего перед противосоветским выступлением, и в дальнейшем все больше и больше разбивалась на разные враждебные между собою лагери.

VIII

С заятием Омска чехо-сибирскими войсками, туда прибыл западно-сибирский комиссарият временного сибирского правительства, который вскоре же объявил все декреты и распоряжения Советской власти аннулированными и отмененными и приступил к организации аппарата новой власти.

Управляющим делами комиссариата был назначен инструктор «Центросибиря» Г. Гинс, заведывающим отделом труда — преподаватель барнаульского реального училища Л. И. Шумиловский, отделом торговли и промышленности — профессор томского технического института П. П. Гудков; управляющим военным ведомством — полковник Гришин-Алмазов, произведенный в генерал-майоры; заведывающим отделом продовольствия — кооператор Зефиров и т. д.

И хотя уже не стало многих лучших общественных и революционных деятелей Сибири: Н. Малюкова, С. Сычева, Дрокина, Киреева, Серебренникова, Петухова и др., хотя жертв белого террора уже насчитывались тысячи, хотя первые же собрания торгово-промышленников, приходских советов и духовенства весьма вышукло вызвали их подлинные черни-реакционные лица, от «свободной торговли» до «боже, царя храни» включительно, — партии социалистов-революционеров торжественно праздновала свою победу над большевиками, объявляя боевыми успехами чехо-сибирских войск над советскими, громкогласно солидаризировала свои настроения с происходящими событиями.

Еще 14 июня в г. Омске состоялось всесибирское совещание представителей кооперативных союзов всех видов кооперации, которое, единогласно приветствуя противосоветский переворот, сибирскую армию и сибирское правительство, также единогласно вылило свое весьма воинственное настроение даже к профессионально-политическим крестьянским организациям и по отношению к попыткам томского крестьянского союза созвать съезд для организации совета крестьянских депутатов, солидарного с властью областной думы, приняло следующую резолюцию:

«Заслушав сообщения представителя союза западно-сибирских кооперативов «Центросибиря» о том, что группа лиц, близко стоявшая к большевистской власти, получив разрешение уполномоченного временного сибирского правительства на созыв в г. Омске крестьянско-

го съезда для организации совета крестьянских депутатов, обратилась к союзу с просьбой отнестись на это занятием средствами, и, обменявшись мнениями по данному вопросу, совещание приняло следующие положения:

1) После февральского переворота при ближайшем участии кооперации, ее силами и средствами были созданы советы крестьянских депутатов во всероссийском масштабе. Тогда это вызывалось потребностью момента, т. е. широкие слои трудового крестьянства, будучи совершенно распыленными при самодержавии, не имели своих групповых органов выражения мнения и защиты крестьянских интересов; в этом смысле, в первый период закрепления завоеваний революции крестьянские съезды и советы имели большое политическое значение, но по мере развития русской революции в условиях тяжелой войны и при отсутствии опыта в открытой политической жизни и борьбе, крестьянские советы быстро подпали под влияние советов рабочих депутатов и демократических элементов и политических партий и, вместо подлинной защиты интересов крестьянства, пошли по пути разрушения завоеваний революции и к полному опустошению народного хозяйства и предательской роли в уничтожении самостоятельной государственности России, потеряли при этом подлинное лицо организации революционного крестьянства.

2) В настоящее время при наличии ярко выраженного оздоровления среди действующих сил момента и при наличии вполне сформировавшихся политических партий и профессиональных организаций, а также при повсеместном восстановлении демократических органов земского и городского самоуправления, которые отныне должны выражать истинную волю всего населения, — восстановление и параллельное существование советов вообще, а крестьянских в частности, с их неизбежно случайным составом и неопределенностью задач, является совершенно излишним и чревато теми же последствиями, которые имели место до последнего переворота, поэтому совещание постановляет: кооперации всех видов от всякого участия и поддержки на съезду крестьянских съездов и организации советов крестьянских депутатов воздержаться.

И если партия с.-р. в лице правлений почти всех кооперативных союзов Сибири, при Советской власти и раньше всячески доказывала свое родство с крестьянством и всегда рьяно отстаивала право последних на доминирующее влияние в управлении государством и политической жизнью страны, то, став у власти, она сразу же не только отрекается от своих бывших принципов, но и пытается оправдать свое новое мировоззрение тем, что крестьянство «не доросло, поддается влиянию, некультурно» и т. п., обвиняя его уже в целом в причастности к большевизму.

Вскоре же, после совещания кооператоров в Омске, лидер земэрот, член правления «Закумбыта» Н. Фомин, говоря о происшедшем перевороте в Сибири и участии в нем кооперации, откровенно заявляет на страницах журнала «Сибирская Кооперация»:

«Переворот в Сибири произошел в условиях исключительного сочувствия к нему сибирской кооперации.

Первые дни после свержения советской власти в Ново-Николаевске в местных торгово-промышленных кругах весьма популярной была острота: «Валет в Сибири перешил к «Закумбыту!».

Это, конечно, только острота, показавшая на ум торгово-промышленникам вследствие, повидимому, персональных ассоциаций. Однако, если местные буржуазные круги ошибались в определении объективных результатов переворота, они были, безусловно, правы, констатируя

характер субъективных настроений кооперативной Сибири, сопровождающих переворот».

Вслед за Н. Фоминим с похоронным гимном Советам Депутатов и с программой экономической политики сибирского правительства на страницах того же номера журнала, в статье «На очередные темы», выступил второй лидер партии эс-эров, председатель правления союза сибирских кооперативных союзов «Закунсбыт» В. Г. Шинканов, который, напоминая кооперативной среде Сибири о бывших «грабежах, разбоях, хамстве» и т. д. рабоче-крестьянского правительства, призывает кооперацию к всецелой поддержке вновь народившейся народоправческой сибирской власти.

Весьма дружные и настойчивые руководящие советы и указания комиссариату временного правительства, со стороны кооперативных верхов, вскоре же заставили его издать следующее постановление, исключающее сторонников Советской власти из городского и земских самоуправлений и воспрещающее организацию советов, даже профессиональных:

«Омск, 28 июня, 1918 г. Западно-сибирский комиссариат сибирского правительства признает недопустимым пребывание в составе органов местного самоуправления представителей тех партий и организаций, которые продолжают вести вооруженную борьбу против сибирского временного правительства и органов местного самоуправления избранных на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

Взамен выбывающих главных и членов управ, должны вступить в установленном законом порядке выставленные в избирательных списках других партий кандидаты».

«Омск, 29 июня. Комиссариат постановляет: советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как организации, образовавшиеся не по правительственному демократическому способу и покушившиеся на власть учредительного собрания и сибирской областной думы, повсеместно уничтожить и впредь не допускать профессиональных организаций с политическими целями».

Еще 10 июня 1918 г. состоялось частное совещание в Томске членов сибирской областной думы, которое предложило находящимся на территории Сибири, освобожденной от Советской власти, членам правительства приступить к исполнению их обязанностей, при чем председателем правительства, вместо отсутствующего Дербера, был избран П. Вологодский. Через несколько дней после этого население Сибири объявлялось:

«Омск, 30 июня. Со дня низвержения Советской власти в Сибири высшим представителем государственной власти является западно-сибирский комиссариат, называемый сибирским правительством. Иные по прибытии в г. Омск достаточного числа членов правительства, избранных сибирской областной думой, сибирское правительство, в лице: председателя совета министров и министра внешних сношений — Петра Васильевича Вологодского, и членов совета: министра внутренних дел — Владимира Михайловича Крутоногова, министра финансов — Ивана Адриановича Михайлова, министра юстиции — Григория Борисовича Патушинского, министра туземных дел — Михаила Воинфатиевича Шатилова, — принимает на себя *всю полноту государственной власти на всей территории Сибири*. Подписали председатель сибирской областной думы Иван Якушев».

И в тот же день телеграф овестил о следующей декларации сибирского правительства, обращенной к союзным представителям и населению Сибири:

«Омск, 30 июня. Набранное сибирской областной думой правительство, в лице совета министров, вступая в верховное управление страной в полном сознании стоящих перед ним исторических задач, безусловно пойдет по пути создания и укрепления на всей территории Сибири, как перадельной части великой всероссийской демократической республики, неизбежного порядка и мощной государственности в осуществлении задач сибирской областной думы и дальнейшего развития деятельности комиссариата Западной Сибири, заменившего до сего времени органы управления совета министров, и призывает все население, без различия национальности, классов и партий, к государственному-мысленно элементу, всех, кому дорого возрождение России и свобода Сибири, объединиться вокруг правительства в его государственном строительстве на предугаанных областной думой началах народоправства. В той же время совет министров считает себя вынужденным заявить о своей непреклонной решимости обеспечить нормальные условия жизни в стране путем самой решительной борьбы со всяким противно-государственным выступлением, откуда бы такое во ни исходило, и будет пресекать даже малейшее посягательство каких-либо общественных групп на незаконное вмешательство в деятельность органов правительственной власти».

Вскоре же, не менее шумно и торжественно, была отменена смертная казнь, хотя расстрелы «на месте» и «при попытках бежать» усиливались прямо пропорционально успехам чехо-сибирских войск, и не было крупного местечка и города, где бы не было жертв белого террора.

Но если центры партии эс-эров и кооперации восторженно приветствовали сибирское правительство и умиленно встречали все его народоправческие акты и декларации, то очень далека от единодушия была местная кооперация, торгово-промышленники, приходские советы, духовенство и крестьянство в оценке происшедшего переворота и последовавших за ним событий.

IX

Как и следовало ожидать, логическим последствием отношения кооперативных союзов к Советской власти на местах было повсеместное участие их правлений и ответственных служащих в активном свержении Советской власти.

Большинство членов правлений и ответственных сотрудников кооперативных союзов, в особенности маслоделных и кредитных, не только сочувствовало свержению Советов и появлению власти сибирского правительства, но и состояло членами нелегальных противосоветских боевых организаций.

До начала вооруженного свержения Советской власти на местах не было групп, по своему настроению более правых и реакционных, так как вся, даже монархическая, Сибирь в своем отношении к Советам равнялась по руководящей партии эс-эров, в лице всех правлений кооперативных союзов.

Но как самый способ свержения Советской власти, так и первые же дни появления на местах, вместо красного флага, флага бело-зеленого сразу раскололи на многочисленные разнородные и даже враждебные группы до того единодушное и солидарное единение антисоветского фронта.

Не говоря уже о группах, не состоящих в боевых нелегальных дружинах, равно отнеслись и поняли переворот и сами дружинники, в своем подавляющем большинстве состоящие членами партии эс-эров или ей сочувствующие.

И если до того они все единодушно, смело и решительно отстаивали принципы народоуправства и не менее смело кричали: «Долой большевиков и власть Советов! Да здравствует Учредительное Собрание, свобода и порядок!», то в момент переворота и через несколько часов после него большинство из них уже не то «боже, паря храни», отстаивало принцип единичия и самодержавия власти и, в лучшем случае, вкладывало в форму народоуправства диктаторское содержание.

Исходя из этих своих новых верований и убеждений, одинаково враждебных как Советской власти, так и народоуправству, они, в зависимости уже от своих индивидуальных стремлений, самостоятельно определяли себе место в происходящем перевороте, со своим собственным кодексом прав и обязанностей. И в своем недавнем единомыслии они уже видели «врага и комитетчика».

Поэтому политическая месть сразу же нашла себе широкое распространение, и при попытке бежать «случайно» расстрелянными и т. д. оказывались не только советские деятели, но и некоторые кооперативные работники, что холодным душем обдало до того весьма разгоряченное настроение кооперативной среды.

И на первых же днях эта среда частью спасовала, потеряв свой былой революционный лиризм, частью всецело примкнула к торгово-промышленникам и партии ка-де, которые не только сразу же заявили о неприемлемости для них социалистического сибирского народоуправства, но и весьма убедительно начали кивать в сторону «большевистствующих» кооперативных союзов, забывая совершенно недавнюю с ними солидарность.

Вновь воскресшие союзы маслодельных артелей и даже некоторые кредитные союзы, сразу же после свержения Советов, взяли курс вперед и дальнейшую свою политику выстраивали исключительно по партии ка-де и торгово-промышленников, приветствуя не столько появившиеся народоуправческого бело-зеленого флага, сколько возможность наступивших перспектив «свободной торговли» и фактические неограниченные права всех военных начальников по своему усмотрению «судить и миловать» активных и косвенных сторонников Советской власти.

Еще более отрезались от своих недавних единомыслиников все приходские советы и почти все городское духовенство.

На первых же порах позабыты были и «учредительное собрание» и «всеобщее избирательное право». Врагами народа и Руси православной объявлялись все социалисты вкупе, без подразделения

на большевиков и эс-эров. Все многочисленные собрания духовенства и приходских советов сразу же заявили себя сторонниками «единоличной законной власти», тактически умалчивая о реставрации прав бывшего государя императора до более «подходящего момента». Проклятия и «гнев божий» призывались на всех «жидов»: Н. Ленина, Л. Троцкого, В. Чернова и Н. Фомина, с одинаковой свирепостью и злостью.

Далеко не радостно встретило факт свержения Советской власти и сибирское крестьянство.

Если села, подчинившись решительным настояниям Советской власти о платеже податей и сдаче хлебных излишков, облегченно вздохнули с падением Советской власти, предвкушая беспопытные времена, то вскоре же многие из них, видевшие переворот «в натуре», насторожились к народившейся бело-зеленой власти и даже местами отнеслись к ней определенно отрицательно. Но в своем большинстве деревня была пассивна и не реагировала на переворот, который коснулся ее только внешне: заменой советских вывесок земскими. Объяснялось это еще и тем, что свержение Советов совпало с успешными, после демобилизации, весенними полевыми работами.

И если эс-эровские центры, руководящие противосоветским движением, продолжали еще захлебываться своими успехами на многочисленных фронтах и пышно праздновать медовый месяц царствования сибирского народоуправческого правительства, призывая к окончательной победе над большевиками и мобилируя для этого всех активных членов своей партии, то на местах уже слышался разочарованный ропот, раздавались протесты, и выносилось мотивированное недоверие своему же правительству.

Еще с первых дней после переворота алтайским, каменским, бицким, енисейским и др. кооперативными (потребительскими) союзами были вынесены резкие протесты по поводу расстрелов «войсками сибирского правительства кооперативных работников и общественных деятелей, не принимавших никакого участия в советских административных и военных органах управления».

И уже 30 июня 1918 года в докладной записке сибирскому временному правительству относительно организации кооперативного товарообмена в Семипалатинской области семипалатинские областные союзы кооперативов, в лице своих правлений принимавшие активное участие в свержении Советской власти, обиженым, протестующим и недовольным тоном пишут:

«С падением в нашем крае власти большевиков кооперативные организации, самым трудовым народом созданные для обслуживания его нужд — потребительских, хозяйственных и кредитных, вновь, как прежде, почувствовали себя обязанными приложить все свои силы не только на удовлетворение и обслуживание местных краевых нужд, но и на государственную свидетельскую работу».

Областной кооперативный съезд, которому сначала не разрешалось открываться большевиками, собрался в г. Семипалатинске, как раз во время переворота 16—20 июня с. г., и вынес решительное постановление против возврата к власти большевиков и за полную под-

держку временного сибирского правительства, взявшего на себя трудный долг довести Сибирь до Учредительного Собрания, а через него и на Европейскую Россию распространить блага свободы и правового порядка.

В целях установления гарантий для кооперативных организаций при встрече с хищничеством и спекуляцией частного капитала, не останавливающегося ни перед какими морями в целях наживы, чему примером были войны и революции, — областной кооперативный съезд вошел в семнадцатилетний областной военный штаб с докладной запиской по вопросу об организации кооперативного товарообмена в нашем районе.

Ответа от штаба мы до сих пор не имеем.

Между тем мы видим, что у истоков власти встал торгово-промышленный класс, который в самую тяжелую годину нашей родины отказался от своей деятельности, а теперь самым бесцеремонным образом предвзывает притязания не только на кооперативную сферу торговли, но и на товары, имеющиеся в продовольственных организациях, закупленные в большинстве своем по заказам и на средства кооперативов.

Стремления торгово-промышленников лезы: использовать эти товары в обмен на продукты сельского хозяйства и таким образом вновь создать свои частно-торговые аппараты, вытеснив кооперативы, с таким трудом, при тяжчайших условиях, созданные.

Средства торгово-промышленников также общезвестны; на них считаем излишним останавливаться. Трудовой населению сел и городов не ряд и ряд своих полномочных собраний выяснило к ним свое отношение, а фальсификация, обмен, обездоление производителей хозяйства даже в основном капитале хозяйства (хлеб, скот) и т. п. — проявления «частной инициативы» капитала — не нуждаются в подкреплениях.

С переходом власти из рук большевиков-диктаторов в руки власти, обивавшей, как о своей цели, об установлении народоправства, казалось, что кооперативы, как негитино-народные организации, созданные на основах права и закона, должны встретиться прямою и ясным сочувствием и поддержкой в поном правительстве и его органах на местах.

К сожалению, здесь мы этого не видим.

Усматривая причину этого неопределенного, выставляющегося отношения к кооперативным организациям в недостаточной осведомленности центра о положении дел на местах и в неверной информации его со стороны таких органов, как продовольственные управы, кооперативные комитеты и т. п., правления кооперативных союзов г. Семнадцатиседа в своем соединенном заседании постановили делегировать в г. Омск Б. Яма, граждано министра, своего представителя с настоящей докладной запиской, уполномочив его информировать все об *истинном* положении дел в нашем районе и лично поддержать ходатайства областного кооперативного съезда и областных кооперативных союзов об удовлетворении их неотложных нужд и о создании условий, при которых кооперативные организации смогли бы проявить максимум своих способностей, сил и средств на создание и строительство не только хозяйственной, торговой, финансовой и промышленной стороны жизни, но и политической, государственной.

А через два дня после этого, т. е. 2 июля, алтайский губернский комиссар труда, меньшевик В. И. Шемелев, обращаясь письмом в редакцию газеты «Алтайский луч», писал:

«В покойничкой лежит труп члена правления алтайского союза кооперативов, С. М. Сычева. Он сражен пулей, попавшей ему в лицо и спешной черен.

Он вместе с другими заключенными (учителем Тихоновым и машинистом Дрюкиным) переводился из одного места заключения в дру-

гое, на здания мужской гимназии в тюрьму. Но по пути, в Душманной роще, они все были убиты пачоал, якобы при попытке побега, как обвиняют конвойные.

Несомненно, попытка бежать из-под крепкого караула в числе пяти конных, хорошо вооруженных людей могла быть сделана после весьма зрелого и обдуманного намерения.

Но вот, что я знаю о намерениях С. Сычева, которого я видел в день окончательного утверждения в Барнауле власти временного сибирского правительства, когда он, встретив меня на улице, попросил проводить его в комиссариат. К нему, видимо, как к заведомому большевику и бывшему члену продовольственной управы, власти сделали на квартиру визит, но дома не застали, так как он все это тревожное время провел за городом, далеко от событий.

Он знает, что никаких обвинений к нему предвзять не могут, но общее первое расстройство не позволяет ему сидеть дома спокойно и ждать возможных обменов и ареста, подвергаясь риску случайных эксцессов... Поэтому он решил жить в комиссариате с предложением арестовать его, если это потребуется.

Совместно с помощником уполномоченного министерства продовольствия и снабжения, И. Петрашевичем, я проводил его в следственную комиссию, где и был составлен протокол об его явке, о чем было доведено до сведения и военной власти. Сычева отпустили домой, так как никаких распоряжений и надобности в его аресте не было.

Позже он был все-таки арестован.

А потом его затеррорили в Душманной роще, при побеге.

Но зачем, спрашивается, было добровольно предлагать себя арестовывать, чтобы затем девать попытку к побегу?

Как для гражданской, так и для военной власти должно быть ясно, что подобные «случайности» разрушают необходимую работу по восстановлению гражданского правопорядка, и всякая власть, какова бы она ни была, берущаяся его установить, должна решительно бороться с подобными «случайностями».

Необходимо тесное и публичное расследование. Необходимо отложить от всего темного и закулисного, что нам оставляют за собой идущие своей чередой политические курсы и режимы...

В особенности, молчать не имеет права сторонами и активные защитники сибирского временного правительства, в какой форме которого, на ряду с другими свободами, значитель также и гарантии неприкосновенности личности. Губернский комиссариат и политические партии требуют гарантий, чтобы подобные случаи больше не повторялись.

X

И хотя западно-сибирский комиссариат издал постановление о том, чтобы всех арестованных активных советских деятелей и защитников содержали в тюрьмах впредь до созыва Учредительного Собрания, которое должно было или судить или освободить их, — во многих местах они были уже расстреляны властью войсковых начальников и даже отдельных офицеров, которые меньше всего в таких случаях руководствовались распоряжением центральной власти.

Но не было случая, чтобы за «превышение власти» наказывали, а был случай наград и фактического поощрения дальнейших пезависимых расправ со стороны нечисти всех местных высших военных начальников, от которых всецело зависело благополучие даже членов официально руководящей и господствующей политической партии.

И так — во всех городах, освобожденных от Советской власти!

Отсюда более чем ясно было, что на местах произошел не народноправческий переворот, а буржуазно-реакционный; и власть земским и городским меньшевистско-эс-эровским самоуправлениям принадлежала только *официально*, фактически же хозяевами положения стали начальники гарнизонов, коменданты, начальники частей и т. д., перекрасившиеся сразу из эс-эровского в более свойственный им черный цвет и терпящие своих бывших хозяев только в зависимости от «пока-что».

Если лидеры партии социал-революционеров сразу не заметили действительного цвета произведенного ими переворота и во многих случаях называли его последствия «случайными и неизбежными», то это можно объяснить тем исключительным «всеобъемлющим», которое доминировало в их логике и восторженном чувстве накачу и в начале свержения Советов.

Но в некоторых случаях они даже и не хотели замечать не «своей» окраски происходящих повсеместно весьма замашистых и разнузданных «ликвидаций» Советов Депутатов силами бывших боевых нелегальных дружин, сделавшихся войсками и опорой временного сибирского правительства, и силами чехо-словацких войск. Ведь это означало не доверять самим себе, своей предыдущей легальной и подпольной противосоветской работе, своему правительству и командующим. Это было равносильно аннулированию всех тех теоретических предпосылок и положений, которые служили основой и основным козырем партии социалистов-революционеров в борьбе за Учредительное Собрание, народопрямство и т. п. и которые всегда выгодно конкурировали с советевластием. Это значило расписаться или в своей бывшей политической безграмотности или в совершенном неумении овладеть аппаратом государственной власти и в невозможности фактически осуществлять идею народопрямства.

Партийный эгоизм и недопускающая отрицательной критики старая упрямая вера в целительные качества «своих» народоправческих рецептов были и на этот раз превыше оценок «жизни».

И партия эс-эров, в лице своих руководящих центров, не замечая и не желая замечать характера происходящего противосоветского переворота, всячески способствовала дальнейшим успехам чехо-сибирских войск.

По своей психологии, так дружно до того воспетой многочисленными сторонниками, она не могла и не хотела *продумать* последующих событий и, ослепленная внешним блеском своих побед, еще более заносчиво несла впереди противосоветских войск свои народоправческие знамена.

В силу тех же причин она не могла и оглянуться назад, где во имя проповедываемых ею лозунгов Учредительного Собрания, всеобщего права и народопрямства уже были замучены и расстреляны тысячи общественных деятелей и революционеров.

Не охладил ли ее фанатического пыла и события на Дальнем Востоке, где очищенное от Советов чехо-словацкими место решительно намеревался занять «верховный правитель земли русской», генерал Хорват, идущий под теми же знаменами и лозунгами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Разгон директории. Провозглашение военной диктатуры. Массовые расстрелы рабочих и крестьян. Начало успехов Красной армии. Всеобщее восстание рабоче-крестьянской Сибири. Паника в рядах атаманов и капиталистов. Падение омского правительства. Бессилье капиталистического интернационала.

I

16 ноября 1918 года в Омск прибыли французская военная миссия во главе с командующим всеми иностранными вооруженными силами на территории Сибири, генералом Жален, и рота французских солдат.

По этому случаю омское правительство устроило торжественный парад войскам и не менее торжественный обед в честь прибывших иностранных господ.

Во время этого торжественного обеда, после исполнения оркестром французского и др. иностранных гимнов, группа подвыпивших казачьих офицеров потребовала, чтобы был исполнен гимн «боже, царя храни», и категорически настояла на своем требовании.

Получился некоторый конфуз. Лидерам партии социалистов-революционеров, Авксентьеву, Зензинову и др., возглавившим омское всероссийское правительство и считавшим себя верховною властью, не понравилась эта «монархическая молитва», и они сделали попытку напомнить офицерам о их «демократических воззрениях» и даже предложили военному и морскому министру Колчаку арестовать некоторых из них.

Вечером, в этот же день, начальник омского гарнизона подполковник Волков и начальники казачьих частей Красильников и Каташев явились к Колчаку и заявили, что «долг перед родиной и настроение всех частей вынуждает их арестовать членов правительства социалистов-революционеров, ведущих преступную соглашательскую политику с большевиками», и просили «от имени всей армии принять на себя верховное руководство возрождающейся армией и народом».

У самого Колчака отношение к эс-эрам из директории было такое же, как и у Волкова. Он им не доверял, хотя имел доказательства обратного свойства: три дня тому назад Авксентьев и Зензинов, по настоянию Колчака и Болдырева, подписали приказ министру юстиции Старинкевичу о передаче суду своего ЦК за его извест-

ный призыв к эс-эрам, направленный против сибирских атаманов и казацкой гайдаки. Кроме того, Колчак не мог забыть, как его, боевого моряка, эс-эр Керенский в июле 1918 г. уложил от командования Черноморским флотом и послал в Америку... принимать интендантские приказы. И дело не в самом приезде в Сибирь, когда он был министром еще только харбинского правительства, вопрос о сотрудничестве с эс-эрами, — а тем более подчинении им, — был решен отрицательно, тем более, что ему уж много раз преданно и кокетливо говорили и Кудашев, и Круенский, и Окоороков, и Михайлов, и Вологодский, и Сазонов и даже, старая лисица Хорват, что «спасти Россию может только он, адмирал Колчак». В Омске он окончательно уверовал в себя, в свои способности и возможности, и поэтому предложение казначых офицеров для него не было неожиданным и затруднительным. Несколько смущал его только вопрос «самой техники» разгона директории.

Колчак торжественным жестом поблагодарил за доверие офицерскую делегацию и уговорился с полковником Волковым, что он завтра утром представит ему проект конкретного плана ареста директории.

На другой день, т. е. 17-го числа, сначала в посде французской военной миссии, затем в здании военно-промышленного комитета состоялось объединенное совещание иностранных генералов, представителей партии ка-де, омского «Союза возрождения» и др., которое, почти единодушно, исключая американского и чехо-словацкого представителей, высказалось за переход власти к военному диктатору в лице адмирала Колчака, хотя выставлялись и другие кандидаты: атаман Семенов, генерал Болдырев и атаман Дутов (последний поддерживался генералом Ивановым-Риновым).

Чехо-американские представители, противопоставив разгону директории, в крайнем случае настаивали на включении Авксентьева и Аргунова, как «пользующихся широкой симпатией народа», в состав правительства адмирала Колчака и на оставлении «без урезок демократической программы существующего правительства».

Технически совершить разгон директории было поручено полковнику Волкову, председателю омского комитета партии ка-де Жардецкому и министру финансов Н. Михайлову.

А через несколько часов после этого совещания офицерская часть отряда атамана Красильникова приступила к выполнению намеченного плана...

Авксентьев и Зязинов вечером в этот день обедали у своего товарища Роговского, товарища министра внутренних дел и директора департамента милиции. На этом обеде они заслушали доклад делегации архангельского правительства, прибывшей в Омск северным путем, в составе эс-эров: Я. Т. Дедушкино, С. С. Маслова и М. А. Лихача. Квартира Роговского была самым «безопасным» убежищем для членов правительства — эс-эров — в их сибирской резиденции: она всегда охранялась надежным караулом милиции и держала связь с верными директории чешскими полками. Поэтому только здесь, в этих комнатах, всеявленная всероссийская власть чувствовала

себя свободной от пытливых глаз агентов сибирского атамана Иванова-Ринова.

Но не снасла эс-эров и «надежная» милиционная охрана. Часов в 12 ночи, на 18 ноября, квартира Роговского была окружена двумя ротами отряда Красильникова, караулы, без какого-либо сопротивления с их стороны, разоружены, несколько офицеров, во главе с Каташаевым, ворвались в комнаты и объявили Авксентьеву, Зязинову и Роговскому, что они арестованы. Авксентьев пытался напомнить офицерам о своем высоком положении, страдал их «союзниками» и т. д., но это ни к чему не привело. Ему не дали даже возможности выразить свой «законный протест» министру юстиции Старынкевичу по телефону. Одному из приближенных людей Роговского удалось все-таки связаться с видным чехо-словацким штабистом, но тот в двух словах ответил ему, что «они знают уже, сочувствуют, но им приказано держать нейтралитет».

После этого Авксентьеву и его товарищам оставалось только с оружием в руках вырваться из офицерских лап, но они предпочли отдать себя в их распоряжение: их посадили на грузовой автомобиль и отправили за город в казармы красильниковского отряда.

В этот же вечер у себя на квартире в гостинице «Россия» был арестован Аргунов. А на другой день, часа в 2 дня, начальник штаба отряда Красильникова, штаб-капитан Герке, любезно дал ознакомиться арестованным эс-эрам со следующими актами их коллег по правительству.

УКАЗ СОВЕТА МИНИСТРОВ. 18 ноября 1918 г. производит: военный и морской министр, вице-адмирал Александр Васильевич Колчак в адмирала.

Председатель Совета Министров Петр Вологодский.
Управляющий делами Совета Министров Георгий Тельберг.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ. 18 ноября 1918 г. Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного Всероссийского Правительства, Совет Министров, с согласия наличных членов Временного Всероссийского Правительства, постановил: принять на себя всю полноту Верховной Государственной Власти.

Председатель Совета Министров Петр Вологодский.
Члены Совета Министров: Л. Устратов, А. Гаттенбергер, А. Колчак, Ю. Ключиков, Г. Гинс, Н. Серебрянников, С. Старынкевич, Н. Зюбиров, Н. Михайлов, Н. Щукин, Г. Краснов, Н. Петров, Л. Шумиловский.
Управляющий делами Совета Министров Георгий Тельберг.

Ввиду тяжелого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной Власти в одних руках Совет Министров постановил: передать временно осуществление Верховной Государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного Правителя.

Председатель Совета Министров Петр Вологодский.
Члены Совета Министров: Л. Устратов, Н. Зюбиров, Ю. Ключиков, С. Старынкевич, Л. Шумиловский, Г. Краснов, Н. Петров, Г. Гинс, Н. Михайлов, Н. Серебрянников, А. Гаттенбергер, Н. Щукин.
Управляющий делами Совета Министров Георгий Тельберг.

ПРИКАЗ Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. Омск. № 1/40—18 ноября 1918 г.
§ 1. Сего числа постановлением Совета Министров Всероссийского Правительства я назначен **ВЕРХОВНЫМ ПРАВИТЕЛЕМ.**

§ 2. Сего числа я вступил в ВЕРХОВНОЕ командование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России.

Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами адмирал Колчак.

К НАСЕЛЕНИЮ РОССИИ. 18 ноября 1918 г.

Всероссийское Временное Правительство распалось.

Совет Министров принял всю полноту власти и передал ее мне — адмиралу русского флота Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройств государственной жизни, — обильно:

Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партизанности. Главной своей целью ставлю — создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю вас, граждане, к единению в борьбе с большевизмом, труду и жертвам.

Верховный Правитель адмирал Колчак.

ВВЕДЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

В целях правильной информации населения о происшедших государственной важности событиях Верховный Правитель приказал на всей территории России временно ввести предварительную цензуру.

Все сведения будут поступать только из официального источника — Штаба Верховного Главнокомандующего.

«Сиб. Речь», 18 ноября 1918 г. Омск. Экстр. выпуск.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ:

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий адмирал Колчак приказал Совету Министров в срочном порядке разработать вопрос об увеличении содержания всем военнопленным.

«Сиб. Речь», Экстр. выпуск, 18 ноября 1918 г.

Через несколько дней всему городскому населению Сибири и армии стало известно, что:

«Под давлением широких слоев населения и наиболее сильных в настоящее время общественных групп, политических партий и организаций, в ночь на 18 ноября был произведен самочинно частями омского гарнизона арест членов директории — Авксентьева, Зензинова, его заместителя Аргунова и заведывающего департаментом милиции Роговского»...

«... Обсудив сложившееся положение, совет министров надел, что названные члены директории имели связь с членами съезда членов Учредительного Собрания и за сниськой всероссийского правительства и армии готовили предательское соглашение с большевиками»...

«... И единогласно постановил передать всю полноту государственной власти, шире до освобождения России от большевиков, адмиралу Александру Васильевичу Колчаку»...

«... Произведшие переворот офицеры сами явились к верховному правителю и верховному главнокомандующему адмиралу Колчаку и заявили, что они готовы предстать перед судом за свой самовольный поступок и даже сложить голову за благо родины и русского народа»... И т. д. и т. д.

Чтобы показать, что, несмотря на «давление сильных политических партий и общественных групп», в Омске все же имеются за-

копность и порядок, совет министров постановил создать чрезвычайную комиссию под председательством министра юстиции Старынкевича для привлечения виновных в происшедших событиях к самой «суровой и строгой ответственности».

А адмирал Колчак, своим приказом от 18 ноября 1918 года, назначает военно-полевой суд и передает ему начальника омского гарнизона Волкова, начальников войсковых частей Красильникова, Катанаева и др.

Но это — внешняя сторона последствий переворота.

В действительности же, связавший полковник Волков еще 18 ноября обезжизняет все войсковые части, принимавшие участие в аресте членов директории, и поздравляет их со «счастливым избавлением от совдепии», обещая похвалить и поощрять все соответствующие награды. Тогда же к нему обращаются некоторые офицеры из отряда Красильникова и просят разрешения «спустить в Иртыш» охраняемых ими большевиков, т. е. арестованных эс-эров. Но Волков сообщил им, что «этот вопрос обсуждается советом министров», и что Авксентьева хорошо знает сам генерал Нокс, и, повидимому, ему разрешен выезд за границу, ввиду чего офицерам даже не было дано разрешение на «всыпание шомполов».

19 же ноября, одновременно с «преданием военно-полевому суду», был издан следующий приказ:

«Секретно. Верховный правитель и верховный главнокомандующий в Омске, ноября, 19 дня, 1918 года, отдал следующий ПРИКАЗ:

По казачьим войскам.

Производятся за выдающиеся боевые отличия, со старшинством: из полковников в генерал-майоры — Волков, из войсковых старшин в полковники — Красильников и Катанаев, все трое, — с 19 ноября сего 1918 года.

Подписал: временно-управляющий военным министерством генерал-майор Суриц».

Впоследствии, по представлению Волкова, были произведены и получили награды и все остальные активные участники разгона эс-эровской директории.

Зная о настроении и намерениях красильниковских офицеров, командующий иностранными войсками генерал Жансен предупредил Вологодского и Колчака, что «у Авксентьева, Зензинова и других имеется много друзей в Париже, и ему будет очень неприятно, если с ними что-нибудь случится».

Ввиду такого заступничества «самого Жансена» от арестованных социалистов-революционеров была отобрана только «подписка, с обязательством не заниматься политической деятельностью и не агитировать против власти верховного правителя», и они, под усиленным конвоем, в отдельном поезде, были вывезены из пределов Сибири.

Социалисты-революционеры, рекламировавшие до того в обращении к своим заграничным хозяевам, что директория единодушно поддерживается «всеми слоями населения и армией», не рискнули выехать из Омска только в сопровождении «своих войск» и упро-

свали генерала Нокса дать им охрану из канадцев, а американского журналиста Германа Вернштейна — лично сопровождать их до границ Китая.

Так жалко и трусливо уступила свое место омским атаманам и сама уфимская всероссийская эс-эровская директория.

II

Разгон директории, как и следовало ожидать, не вызвал на местах ни протестов, ни сочувствия к уехавшим эс-эрам.

Рабоче-крестьянская Сибирь еще до этого состояла в войне с сибирским народопрравством, а Колчак явился прямым продолжением его и даже шел под тем же знаменем — Учредительного Собрания, всеобщего права и т. п., заявив об этом во всеуслышанье.

Родившие директорию меньшевики и эс-эры частью уже были повешены или ожидали этого, частью перекочевали в вагоны к чехословакам, частью трусливо и предательски завили, что они — кооператоры и аполитичны, а частью, в лице Сазонова, Шниканова, Куликова, Вологодского, Яковлева и других, начали не менее усиленно поддерживать народническое единоличное народопрравство, всячески доказывая, что оно несколько не хуже коллективного.

Открыто и смело не признал Колчака в качестве диктатора лишь атаман Семенов, считая, что он или атаман Дутов «более достойны вести русский народ к Учредительному Собранию и победоносному окончанию войны с большевиками». И хотя Колчак своим приказом от 1 декабря 1918 г., за № 61, лишил Семенова «и чинов и орденов, объявив изменником родине», поддерживаемый в своих намерениях Японией забайкальский атаман не струсил и вконец продать Колчаку».

19 ноября Семенов прислал Колчаку и Вологодскому ультимативное требование освободить от суда и следствия Волкова, Катанова и Красильникова, думая этим своим жестом склонить на свою сторону «героев переворота», а вместе с ним сибирское казачество. А на другой день он телеграфировал Вологодскому, Дутову, Хорвату и всем, всем, что не может признать адмирала Колчака в качестве верховного правителя, так как знает его по маньчжурскому фронту с очень нехорошей стороны. Чтобы показать Омску, что его требование не шутка, Семенов в заключение прибавил, что его мпение «разделяется многими высокими представителями союзного командования».

Но омские атаманы, считая Семенова «большевиком справа», решили прежде всего окончательно освободить себя от теней «большевиков слева», которые все еще мешали им «возродить русский народ и армию».

Вновь переполненные сибирские тюрьмы в течение нескольких недель, начиная с первого декабря, почти все были «очищены от большевиков» уже известным способом, и только по поводу челябинских, ново-николаевских, хабаровских, семипалатинских и красноярских «незаконных расстрелов» заграничные высоко-культур-

ные и гуманные хозяева, в лице генерала Нокса и французца Реньо, выразили адмиралу Колчаку «свое неудовольствие».

Но вскоре омскому правительству представился случай лишний раз доказать своим заграничным патронам, что «большевики не дремлют» и что «гуманничать и потворствовать им нельзя».

В ночь на 22 декабря молодые солдаты нескольких рот омского гарнизона, доведенные происходящим террористическим разгулом до крайнего физического и духовного раздражения, восстали, захватили некоторые учреждения и освободили из областной тюрьмы политических заключенных. Однако их горячий, необдуманный, неорганизованный порыв вскоре же выдал их. Исключительный передел сразу же оказался на стороне войсковых частей, верных омским атаманам.

И в эту же ночь и в последующие за этим три дня осадного положения уже «на законном основании» красильниковским отрядом и казачьим полком в Омске было расстреляно, повешено и утовлено в Иртыше больше пятисот «большевиков».

В этом же числе были заколоты на Иртыше и все те социалы-революционеры и меньшевики, которые в свое время наиболее активно свергали Советскую власть и которые своими личными усилиями вырастили сибирских атаманов и генералов, хотя все они, освобожденные повстанцами из тюрьмы, добровольно в нее возвратились.

Их заколоты те же штыки, которые убивали и представителей рабоче-крестьянской власти, во имя тех же лозунгов народопрравства.

27 декабря 1918 г. в сугробах реки Иртыша милицией и родственниками, после долгих поисков, в числе многих других трупов, были обнаружены несколько штыками и револьверными пулями трупы членов Учредительного Собрания: Н. Фомина, Брудерера, Лассау, Барсова, Сарова, Маевского, Кириенко, Марковицкого и Девятова.

При каких обстоятельствах и каким способом были убиты эти вожди «активного народопрравства» своим же недавними единомышленниками и ставленниками, говорит весьма наглядно следующий документ:

«Акт осмотра трупа гражданина члена правления «Закупебита» Никола Валериановича Фомина.

Декабря 27 дня 1918 года, в присутствии членов правления «Закупебита» Александра Андреевича Емельина и Николая Тимофеевича Домнина, заведывающего хозяйством «Закупебита» Михаила Николаевича Корытцева и студента-медика Матвея Ароновича Хазанова, я, нижеподписавшийся, врач Николай Прокопьевич Кабалкин, произвел осмотр трупа Никола Валериановича Фомина, члена правления «Закупебита», при чем оказалось следующее:

- 1) в области левого плечевого сустава, поперек сустава, кость сломана;
- 2) на задней поверхности правого плеча, тотчас над локтем, обширная резаная рана с переломом плечевой кости;
- 3) на левом плече — точно такая же рана и также с переломом плечевой кости;
- 4) в области левой теменной кости, по всю длину ее, резаная рана до кости;

- 5) в области левого сосцевого отростка револьверная пулевая рана;
- 6) пулевая рана под шестым ребром, с правой стороны;
- 7) под седьмым ребром той же стороны — штыковая рана;
- 8) на один сантиметр от нее — винтовочная пулевая рана;
- 9) три пулевые револьверные раны — на левом плече;
- 10) в области левой лопатки — пулевая револьверная рана;
- 11) на три сантиметра внизу от нее — штыковая рана;
- 12) пулевая револьверная рана под гребешком левой подвздошной кости и
- 13) пулевая револьверная рана с правой стороны под пятым ребром.

На всех тринадцати ран. первые пять имеют признаки прижитого нанесения их, восемь остальных ран нанесено, как видно, уже после смерти Н. В. Фомина.

Подлинный подписали: врач Н. Кабалкин, М. А. Хазапов, И. Домнин, А. Емелин.

Как Омские, так и другие массовые декабрьские расстрелы политических заключенных на страницах весьма располднившейся сибирской государственно-мыслящей народоправческой печати даже не были отмечены как факт, хотя все эти газеты шумно расписались в своей преданности народолюбию, законности и беспристрастному правосудию.

И даже те, кто, вместе с расстрелянными в Омске членами Учредительного Собрания, в свое время смело, безбоязненно и гордо громил большевиков, организовывали нелегальные боевые дружины, свергали Советскую власть и насаждали в Сибири народоправство и атамалов, — не оглозались, протестуя и негодую на бесчеловечную, мучительскую смерть своих товарищей, а трусливо спрятавшись под кооперативное и уже аполитичное забрало, теперь растерянно и жалко лепетали:

«В редакцию газеты «Народная Сибирь».

Гражданин редактор!

Не откажите в возможности на страницах вашей уважаемой газеты нам, как гражданам многострадальной России и как товарищам по долгой и упорной работе на поле народной кооперации, указующей пути бескровного эволюционного развития народного хозяйства и человечества вообще к тому «царству свободы», которое не приемлет пролития человеческой крови, исключает политическую борьбу каких-либо классов, групп, партий, самый факт их существования, который создает лишь условия для совершенствования человеческого культурно-экономических отношениях, — выказать протест отчаяния, ужаса, смертельную тоску, охватившие нас еще раз при вести из Омска о насильственной смерти нашего товарища Никола Валериановича Фомина, члена правления союза сибирских кооперативных союзов «Закунебит»...

Еще одна насильственная смерть. Еще одна жертва политической борьбы.

Целое поколение деятелей, которых история нашей многострадальной родины растила для совершения великого акта освобождения народа от политического гнета царского самодержавия, выливается во взаимной междоусобной братоубийственной политической борьбе.

За эти теперь уже почти два года бурь революции и государственных переворотов были тысячи, десятки тысяч таких смертей: пали тысячи, десятки тысяч жертв.

Погоб и Нил Валерианович, один из могилки сибирской кооперации, государственный народолюбец и народолюб, защитник народоправства, один из могилки возрождения Сибири и России, поднявший вместе с немогилами в Сибири восстание против власти советов, искавших идеи и основы народоправства, введших тиранию, насиллие над личностью и обществом...

И мы спрашиваем и взываем к обществу, к борющимся политическим группам и партиям, когда же наша многострадальная Россия изживет душанный ее кошмар, когда же прекратятся насильственные смерти? Неужели не охватывает вас ужас при виде беспрерывно льющейся человеческой крови? Неужели вас не охватывает ужас при сознании, что гибнут, убиваются самые глубокие и, в то же время, элементарнейшие основы существования человеческого общества: чувства гуманности, сознание ценности жизни, человеческой личности, чувство и сознание необходимости правового строя в государстве?

Неужели вас не охватывает ужас при сознании, что мы теряем, потеряли облик человека, носители и служители общественных начал правды, истины, добра, красоты? Услышите наш вопль и отчаяние: мы возвращаемся к доисторическим временам существования человечества: мы на краю гибели цивилизации, культуры; мы губим великое дело человеческого прогресса, над которым трудились многочисленные поколения более достойных нас предков...

Мы подавлены...

Перед прахом нашего товарища по работе у нас немеет речь, ступит мозг и сердце...

Мы чувствуем свое бессилие выразить бездощность ужаса, который охватил всю многострадальную нашу родину, который давит кровавым кошмаром каждого сознательного человека, в котором теплится хоть атом человечности.

Просим другие газеты и журналы перепечатать это наше письмо.

Правление союза сибирских кооперативных союзов «Закунебит», Ново-Николаевск.

1 января 1919 года.

Точно таким же лепетом, только более истеричным, еще раньше рывнул свое отношение к омским событиям эс-эровский Союз из Уфы. В длинной телеграмме, которую прислали Волгодскому Ведению, Филиповский и Девятков, были и просьба и угроза, но больше всего в ней говорилось о том, какие они, эс-эры, хорошие люди, как они не любят большевиков и как правительство Колчака с ними пехорно поступило.

Но Колчак брезгливо решил «не замечать» эс-эровских намеков, оставил их пока что в покое и только после того, как уфимский Союз постановил передать чехо-словацкому национальному совету и командованию «на сохранение» увезенные из Казани золотые запасы России (46.000 пуд. зол. и 30.000 пуд. серебра), он отдал приказ полковнику Каппелю (недавнему эс-эру) разогнать и арестовать эс-эров в Уфе, что им и было доблестно исполнено.

Но омские расстрелы, несмотря на то, что они были исключительно жестоки и кошмарны по своему зверству, вполне оправдали в глазах «недовольных» заграничных господ бывшие «незаконные расправы» с политическими заключенными.

Генералы Нюкс и Жанен спешат довести до сведения своих правительств, что «правительство адмирала Колчака пользуется самым широким доверием всего населения, имеет сильную армию и должно быть признано в качестве центрального российского правительства».

Спешит оправдать омских атаманов в их недавних кровавых делах и омский блок «общественных и политических организаций»; и 2 января к Колчаку, с выражением доверия и верноподданнических чувств, являючись представители: всесибирских кооперативных съездов—Анатолий Сазонов, омского отдела «Союза возрождения России»—Владимир Кузников, всероссийского совета съездов торговли и промышленности—Даниил Карганов, омского комитета трудовой народно-социалистической партии—Антонин Новиков; казачьих войск: сибирского—Ефим Березовский, забайкальского—Яков Лошников, семиреченского—Степан Шендруков, иркутского—Семен Телешев, омской группы партии социалистов-революционеров («Воля Народа»)—Илья Строганов, восточного отдела центрального комитета партии народной свободы (ка-де)—Валентин Жарденский, центрального военно-промышленного комитета—Никита Дивнарешко, акмолинского областного отдела всероссийского национального союза—Григорий Рязанский, атамановской группы Р. С.-Д. Р. П. «Единство»—Иван Рубанов и председатель блока—А. Балакиши.

Но поводу права названных лиц выступать от имени общественных демократических организаций и социалистических партий категорически и отрицательно высказываются даже их недавние союзники, которые в газете «Далекая Окрина» устами меньшевика А. Е. Ходорова пишут:

«Посещение адмирала Колчака делегацией от «блока политических и общественных объединений» представляет собой попытку некоторых кругов подпереть общественной санкцией пылкую государственную власть. Но если оставить в стороне представителей казачества, где преобладает военный элемент, и представителей торгово-промышленников, ка-де и «Союза возрождения», о «демократичности» которых не приходится говорить, то вывеска кооперативного всесибирского съезда и комитетов социалистических партий может только ввести в заблуждение некоторых представителей иностранных держав... и т. д. и т. д.

III

Но далеко не радостно встречают воцарение Колчака чехо-словацкие войска, некоторые полки которых, даже несмотря на угрозы своих генералов, категорически отказываются быть на фронте.

А происходящие массовые расстрелы политических заключенных окончательно отрезвляют многие чехо-словацкие войсковые части от их «былых побед», и они, в лице особой делегации, настоятельно просят приехавшего в Сибирь чехо-словацкого министра Стефаника об отправлении их на родину.

Вскоре начинают понимать, зачем и для чего их прислали в Сибирь, и американские солдаты. Уже с декабря месяца они становятся в некоторых случаях защитниками русских рабочих и крестьян перед свирепеющей сибирской атамановщиной, а 28 января полк американских войск берет под свое покровительство несколько сот восставших против калмыковских зверств и террора в Хаба-

ровске русских солдат, не выдавая их, даже несмотря на ультимативные угрозы жестокого уссурийского садиста.

И в Омске начинают просить генерала Жанена, чтобы он обратил свое внимание на «слишком большую мягкотелость некоторых союзных войсковых частей».

В то же время, омское правительство старается изво всех сил выявить свои творческие и другие способности, направленные на страх «большеншкам и их подлооскам».

Объявляется «неприкосновенность личности» верховного правителя и верховного главнокомандующего, даже попытки к покушению на которого подводятся под статью расстрела.

Предоставляется право командующим военными округами и районами утверждать смертные приговоры, закрывать периодические органы печати, объявлять внешние им местности на военном и осадном положении.

Утверждается текст присяги «на верность державе Российской и всероссийскому правительству».

Восстанавливается царский закон о генерал-губернаторах, губернаторах, исправниках, полицейских приставах. Комиссары переименовываются в управляющих губерниями и уездами.

Генерал Дутов назначается генерал-губернатором Оренбургского края, Вишневецкий—Уфимского, Дидерикс—Уральского, Волков—Иркутским генерал-губернатором и Иванов-Ринов—помощником верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по военной части.

Дидериксу поручается «выяснить и разыскать» виновных в расстреле Николая II, Волкову—«прибрать к рукам или подчинить» атамана Семенова, Иванов-Ринову—«навести порядки во Владивостоке и подчинить атамана Калмыкова». Перед отъездом последнего во Владивосток, омское всероссийское правительство заискивающе телеграфирует в Хабаровск:

«Атаману Калмыкову. Омск, 23 часа, 27 декабря 1918 г. Проводя командующего армией и войскового атамана сибирского казачьего войска генерала Иванова-Ринова на Дальний Восток для выполнения поставленных верховным правителем и государственным целями задач, приветствуя объединение казачества, навеки запечатленного своими подвигами преданность родине, — плем вам и войску, вас избравшему, низкий поклон; да здравствуют оно в единении с возрождающей армией русской, на славу родине нашей! № 11677.

Подписали: председатель совета министров Вологодский, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал-майор Лебедев, атаман Иванов-Ринов, помощник военного министра по снабжению генерал-майор Суриш, полковник Березовский, помощник военного министра по казачьим делам генерал-майор Хорюшкин, атаман Шендруков, командующий войсками западно-сибирского военного округа генерал-майор Матковский».

И еще 28 ноября назначенный, вместо Роговского, директором департамента милиции офицерский кадет Пенелыев издает секретное распоряжение, долженствующее «предупреждать преступную деятельность городских и земских самоуправлений и членов Учредительного Собрания», и тогда же, «по повелению верховного прави-

тели, приступает к выработке положения об институте государственной охраны».

Не менее тонкими законодателями и «доблестными борцами с разлагателями государства Российского» оказались и местные агенты омского правительства.

И если раньше многим из них пришлось в некоторых случаях надевать на себя эс-эровскую народоправческую тогу и даже лавировать между фактическим и официальным политическим положением, то, с началом единовластия военной диктатуры, их саднистическим, большим мозгам уже не нужно стало выдумывать «линию поведения».

И они окончательно расшоясались.

Новое народоправческое омское правительство по примеру покойной директории и правительства областной думы, не менее шумно и крикливо заявляя о своем народном происхождении и преданности Учредительному Собранию, земле и воле и т. п., в действительности на первых же порах, с кошмарной выпуклостью, вывело свое подлинное, еще более продажное и противорусское погромное лицо.

Пусть народоправческую и демократическую пыль в глаза «заграничным друзьям и хозяевам», «у себя дома» правительства военной диктатуры усиленно занялось реставрацией монархических времен, в способе же «практического применения» системы реакционного управления шагнуло ко временам еще более отдаленным и бесчеловечным...

IV

За границей, в Париже и Лондоне, сначала некогда было заниматься «сибирскими делами».

Иностранцы капиталисты разрешили более важный вопрос: они делили имущество побежденных центральных государств и «забылись о малых народах».

Поэтому все надоедания и мольбы омских агентов: Сазонова, Щербачева, Маклакова и других, «занятого русским вопросом» долго не имели успеха.

И только в феврале 1919 г. иностранцы хозяева удосужились приступить к рассмотрению «вопроса о Российском государстве», хотя американское правительство, в лице Вильсона, перед этим делало неудачную попытку «сговорить» русских на Принцевых островах».

К этому времени Париж и Лондон уже были заполнены декларациями, грамотами и нотами омского, архангельского, денкинского, петляковского и др. правительств, но больше всего капиталистической «загранице» понравилось «демократическое лицо» омского правительства, и она всячески старалась доказать русской оппозиции несостоятельность ее убеждения, что из Сибири движется самая черная реакция.

Ведь в Париже и Лондоне было так много доказательств омской демократичности: обещание созвать Учредительное Собрание, охрана

личности и жилища, свобода совести, «честное слово гражданина» и неподкупность адмирала и т. д. и т. д.—целая копия таких, самых революционных и демократических омских «грамот».

И даже часть английских рабочих поверила политической чистоте омских «всенародных заявлений» и увидела в них не только вполне демократический тон, но и «революционную порядочность» омского правительства.

И за границей заговорили о «признании».

«Лучшего для России правительства нельзя и желать; за него стоят не только известные общественные деятели, но и лучшие старые русские революционеры», — так, жонглереми демонстрируя отгениенными словами омских дипломатических заверений, заявила с парламентской трибуны военный министр Англии Черчилль. «Оно даже больше, чем демократично: в составе совета министров большинство — убежденные социалисты».

И, казалось, все складывалось в пользу омского правительства.

Но в это же время в Париж приехал чехо-словацкий министр Стефаник и заявил, что чехо-словацкие войска не только больше не могут поддерживать омское правительство, но они должны быть немедленно эвакуированы на родину, так как «сибирские политические условия их очень скоро могут сделать большевиками».

Далеко не лестную оценку омским условиям дали и приехавшие во Францию социалисты-революционеры из сибирской директории.

Не в пользу сибирских атаманов писал в своих отчетах гаингтонскому правительству и командующий американскими войсками в Сибири генерал Грейс.

Таким образом вопрос о «признании омского правительства в качестве востороссийского» затянулся.

Но омским атаманам было достаточно и того, что о них заговорили «за границей». Обрадованные ласками некоторых отдельных своих заграничных хозяев и уверовав в свои «несомненные» дальнейшие дипломатические успехи, они почувствовали уже более крепкую почву под собою и еще более разъяренно стали «ликвидировать» внутренних врагов, которые, по их мнению, мешали их окончательно признанию.

Что ни приказ, циркуляр или секретное распоряжение, то верх атамановской мудрости и палаческой изобретательности.

В Енисейской губернии генерал Розанов изобрел мудрую систему «заложничества».

В Иркутской генерал Волков приказал «большевиствующим» крестьян для острастки расстреливать через десятого».

В Семипалатинске атаман Анисенков открыл государственную целесообразность в растлении малолетних детей бежавших большевиков.

В Забайкальской области атаман Семенов «нашел нужным» папайкой и шомполами «крестить» в православие».

В Омском военном округе генерал Матковский «признал полезным» венчать большевиков на телеграфных столбах Сибирской железной дороги.

В Уссурийском крае атаман Калмыков «нашел государственно-необходимым карать на месте».

В Приморской области атаман Пванов-Ринов выдумал систему предания «огню и мечу» большевистских гнезд, хотя эти «гнезда» были — постоянные жилища русских рабочих и крестьян.

Наконец, и сам «энергичный и полный энтузиазма», как о нем писали парижские газеты, уже товарищ министра — Пенелеев оказался не только хорошим архиварнусом, но и умелым реставратором: в откопанный им «законопроект о государственной охране» он удачно и кстати внес гениальные «поправки»:

«Восстановить в правах, как наиболее подготовленных и государственно-достоинных, офицерских и классовых чинов бывших жандармских управлений и не использовать опыт бывших жандармских унтер-офицеров».

По его настоянию, штабом верховного главнокомандующего 28 декабря было отдано даже по армии соответствующее распоряжение об откомандировании «нужных» министерству внутренних дел людей.

«Нужные» люди нашлись, и даже в большом количестве, чем требовалось, так что Пенелееву пришлось создать новые должности и увеличивать «на случай роста территории» штаты охраняемых (отделений) управлений, дабы все же не упустить из виду «государственных» людей и в будущем использовать их несомненный «практический опыт».

По его докладу, на усиление средств и увеличение штатов департамента государственной охраны «социалистический» кабинет министров одновременно ассигновывает 15.000.000 рублей.

А второй секретный циркуляр нового директора департамента гласит:

«Для наиболее успешного розыска укрывающихся государственных преступников необходимо профильтровать все местное население соответствующего возраста, прибывшее в данную местность после февраля 1917 года.

Для поощрения агентов охраны и частных сотрудников назначить премии от тысячи рублей и выше, и заисключности от персональной важности разыскиваемых противоправительственных элементов...»

И даже сам штаб главноверха издает не менее «мудрый» приказ от 21 февраля за № 143, карающий смертной казнью солдат и новобранцев «добровольческой сибирской армии» только за попытку последних заставить удостоверениями от соответствующих земств и начальников, что они насильственно мобилизованы, а не добровольцы.

Еще более кошмарно-гениальными и бесчеловечно-изобретательными, нежели само высшее начальство, оказались вновь появившиеся на государственной арене жандармы, охранники и др. «мелкие сошки», обиженные еще с февральской революцией и опять подучившие «законное право».

Нет слов, нет определений, нет красок для фиксации их «государственных дел». Каратели Каменского уезда, поручик Гольдович и атаман Бесмертный, за долгую практику научились весьма успешно и умело «приводить большевиков в христианскую веру».

Тысячи расстрелянных, замученных и просто убитых ими крестьян они перед «актом» заставляли, стоя на коленях, петь свою же отходную, а молодых девушек и женщин отдавали в «распоряжение» своих добровольцев, почти всегда наслав их первыми.

«Хозяин» Барнаульского уезда, поручик Ракин, умел очень «мило» всыпать шомполами. После «только пятнадцати» ударов тело превращалось в ком кровавого мяса, и даже самый рьяный большевик, при виде такого «превращения», забывал «утопическую дурь» и приносил искреннее покаяние... Начальство всегда ставило деятельность Ракина «примером для других», и не только по военному району, но и по омскому военному округу ему неоднократно объявлялась «искренняя благодарность русского народа» и «русское спасибо».

«Царь» Даурии и даурских востанков, барон Унгерн, липался аппетита и сна, если долго не видел «ломки живых человеческих черепов».

«Наш философ», как любили называть его офицеры, и, в то же время, «бородатый атаман без атаманства» Красильников на своем поном карательном поприще очень любил «поговорить по душам» с пленными большевиками, и, захватив в плен крестьян, он целыми часами говорил им о сладостях равенства, свободы и братства, а затем, собственноручно, «из уважения к ним и революции», делал «маленькие отверстия в их славных головках»... Население Тайшетского и Канского районов Енисейской губернии долго будет помнить эти революционные беседы «товарища» Красильникова.

Пранорщик Носковский, «знаменитость» западного фронта, мог одним выстрелом из нагана расстрелять пятнадцать большевиков. За такие «героические подвиги» он был не только награжден георгиевским крестом, но и скоро произведен в полковники.

Штабс-ротмистр Вранитель «особенно научил характер казацкой нагайки», за что вскоре же не только стал полковником, но и командиром пикольско-уссурийского кавалерийского полка.

Начальник участковой милиции Славгородского уезда, Загребский, очень «любил попороть перед вышивкой». В минуты же хорошего расположения духа даже «сам достащавал прикасаться к преступному телу». Не меньше любил он и пляч испуганных женщин и детей, при виде «большевика в расправе»...

Бывший жандармский унтер-офицер, «особый агент» томского губернского охранного управления, Сивков, скоро и ловко умел «выбивать большевистскую дурь» из головы своей жертвы вместе с мозгами. Невозможно найти красок для описания издевательств его над арестованными женщинами, в особенности молодыми, от которых, по его выражению, «пахло невинностью».

И так без конца...

И все это проделывалось на «точном законном основании, по исполнению нескольких параграфов положения о государственной охране в местностях, объявленных на военном положении», дополненного за министра внутренних дел Пенелеевым и «поисченного» приказами по военным округам и районам.

Какой насмешкой, жестоким и злобным издевательством, после таких «дел» омских атаманов, являлись «слова верховного правителя русскому народу», отпечатанные на реквизированной у рабочих организаций бумаге и тракующие о «максимуме свобод».

Рабоче-крестьянская Сибирь, уже с гришино-алмазовских «революционных» времен, знала настоящую цену этим плакатным свободам и, схоронив сотни тысяч самых передовых своих сынов, за «выбитым в расход по подозрению в большевизме», практически, на своей спине «ощуцала» значение всех этих «всенародных заявлений об Учредительном Собрании, всеобщем праве, охране труда, личности, жилища» и т. п. слов, вышито демонстрируемых всеми омскими народоуправческими правительствами.

Теперь очередь «практически ощущать народоуправство» наступила за теми, кто в советские времена был наиболее рьяным, смелым и решительным его последователем. И они начинают убогать в оставшие районы, в армии рабоче-крестьянских партизан, где даже наиболее упрямым из них не припоминается их работа по «возрождению России», совместно с атаманами, и они встречаются здесь, как свои, как братья.

К лагерю «большевиков» причисляются и некоторые иностранные войска, отказавшиеся идти за сибирскими атаманами.

Канадские и американские войсковые части, приехавшие врать, а вынужденные спасать сибирское население от атамановских самосудов, переименовываются атаманами из «заграничных дружеских войск» в «жидов и предателей».

Чехо-словацкие войска, ушедшие с непосредственного противосоветского фронта и расположившиеся в качестве железнодорожной охраны по линии Омск — Иркутск, Ново-Николаевск — Семипалатинск, получили от омских атаманов, взамен — «братья чехи», новое наименование — чехо-сволочь», хотя их генералы и на новом попрание всячески старались быть «солидарными с Омском».

Не меньшая метаморфоза произошла и с некоторыми иностранными дипломатами. В Сретенске датский консул вступает в защиту нескольких десятков осужденных в повешении рабочих и спасает их от расправы семеновцев.

В Ново-Николаевске американский консул делает то же самое в отношении предназначенных к «ликвидации» крестьян.

Во Владивостоке американский консул берет под свою защиту бывшего советского комиссара на Д. В. А. В. Серяжикова и переправляет его через Омск и Пермь в Москву.

В Иркутске чехо-словацкий дипломат выступает в новой роли главноуправляющего сибирских атаманов в «целесообразности незаконных и беззаконных расстрелов».

И хотя сам главнокомандующий иностранными войсками генерал Жанен, французский чрезвычайный комиссар граф де-Марсель и английский уполномоченный сэр Эдмонт по просьбе омского правительства напоминают заграничным войскам, что они «прибыли

в Сибирь не для поощрения большевизма, а для борьбы с ним», — на местах эти войска все больше и больше начинают сознавать преступность того дела, во имя которого их приехали в Сибирь их капиталистические правительства.

Но, хотя уже почти вся территория сельской Сибири находилась под властью рабоче-крестьянских отрядов, хотя поезда со снабжением и с генералами, даже вблизи столиц сибирских атаманов, сопровождалась броневиками и броневыми поездами, хотя уже существовали и еще формировались регулярные и дисциплинированные войсковые части, объявившие войну омскому народоуправству, — чтобы ускорить «привоза Омска» за границу, член английского парламента полковник Джон Воорд, по просьбе Колчака и Михайлова, 28 февраля из Омска телеграфирует:

«В это критическое время, когда союзные правительства обещают свою политику по отношению к России, я хочу заявить, как представитель рабочего класса, имеющий возможность наблюдать положение в этой стране, что британское рабочее движение, а также и отдельные рабочие сделают ошибку всей своей жизни, если позволят себе почувствовать малейшую симпатию к большевикам или воображат издевательскими поддержки британского или другого правительства. Но фактам, известным мне, я заявляю, что разбойничье поведение большевистских лидеров в России часто превосходит ужасы, произведенные Болгарией, Германией и Турцией в Бельгии, Румынии, Сербии и Армении. Во имя прогресса и братства они производили и ежедневно продолжают производить гнусность, непередаваемую на бумаге. Насадив господство террора среди крестьян и рабочих, они принудили вблизи Урала последних выступить с оружием в руках и защищать себя до последнего издыхания, лишь бы избежать большевистского владычества и сопряженных с ним ужасов. Большевики стараются распространить свою дьявольскую работу по всей России и Европе; они проповедуют, что свергают лишь правящие классы, но здесь, в России, рабочие и крестьяне погибают раньше правящих классов».

Предостерегая рабочее движение и британских рабочих, что большевизм более опасен, чем война для миллиона наших товарищей, русских рабочих, и будет преступлением, если британское правительство и британская демократия, под влиянием какого угодно мотива, отступит от того, чтобы сделать все, от них зависящее, чтобы помочь русскому народу в его борьбе с преступными и сверх-человеческими чудовищами, которые опустошают и разоряют эту страну».

И в то же время в Париже русские капиталисты и агенты омских атаманов — Бурцев, Миллюков, Третьяков, Сазонов, Савинков и др., получив дополнительную порцию омской «демократической» литературы и вдохновленные такой увесистой поддержкой, как телеграмма «английского рабочего депутата», вновь, рабски обращаясь к верховному совету 12 апреля, вызывают:

«Союзники хотели иметь доказательство в прочности демократических воззрений правительства адмирала Колчака и отложили на неопределенное время вопрос об его международном признании».

Напоминая уже о неоднократных заверениях Колчака и его совета министров о целях всероссийского правительства и армии, мы можем представить новые порции доказательств, насколько стала тесна связь между правительством и народом.

Создана вполне боеспособная, демократическая добровольческая армия, на основе строгой аполитичности и братской дисциплины между

офицерами и солдатами. Установлен вопрос о передаче всей земли крестьянству, и в освобожденных от большевиков местностях этот принцип уже проводится в жизнь»...

И за границей, после таких «несомненных доказательств демократичности Омска», в принципе решили «признать Колчака», но только по настоянию рабочих кругов предварительно запросили омское правительство, может ли оно теперь же созвать Учредительное Собрание, хотя бы в качестве законосовещательного органа.

Но это «предварительно» испортило все дело и «русских людей» в Париже и омских атаманов.

Тут надо было уже действовать весьма дипломатично, так как оказалось, что нужные «союзникам» члены Учредительного Собрания были или «выписаны в расход», или находились «в преступном отсутствии»; от атаманов же требовались уже не обещания, которые они свободно могли давать сколько угодно, а возможности частичного выполнения этих обещаний.

И омское министерство иностранных дел усиленно начинает выдумывать «ответную ноту союзным правительствам», стараясь всячески вынудиться из этого неожиданного и весьма неприятного положения.

Вскоре «нота союзникам» была составлена. Общая и вновь подтверждающая свое непреклонное решение созвать Учредительное Собрание, как только «союзники помогут взять Москву», правительство Колчака, до того рекламировавшее, что оно владеет уже большей частью российской территории, указало заграничным хозяевам на «невозможность в данное время созвать старый состав Учредительного Собрания ввиду незначительности территории и отсутствия искренности преданных русскому делу членов Учредительного Собрания».

И за граница, не замечая воплей и адских мук терроризованного атамановским народоуправлением русского народа, как будто согласившись с «разъяснениями» Омска и, все еще не решаясь признать Колчака в качестве всероссийского правителя, тем не менее, начала усиленно сбивать омским атаманам свои громадные «взвешники» военного обмундирования, вооружения и снаряжения, в надежде пока что хорошо заработать на «этом деле» и еще более запутать рабоче-крестьянскую Сибирь в «тенищах омского владычества».

А услужливое «беспристрастное» омское российское телеграфное агентство, Рга, в заграничных транспортах с ненужными кальсонами уже видело «розовое признание» и при помощи «своей прессы», печатавшей «официальные признания» жирными буквами с адресами: «всем, всем, всем», окончательно затемнило умы даже городской интеллигенции, начавшей и без того «чувствовать» тяжесть шомполов омского народоуправства.

И для омских атаманов наступили дни радужных надежд, когда даже нестроилому ефрейтору снятся наполеоновские «удачные моменты», а для рабочих и крестьян—времена неслыханных издевательств, времена всеобщей Голгофы и превышающие человеческий разум страдания.

Но в то время, когда омские атаманы праздновали свои «дипломатические успехи», приветствовали «примирение» Колчака с Семеновым (после неудачной попытки «убрать» последнего) и торжественно праздновали годовщину мартовского выступления японских войск против благовещенского совета депутатов,—«дружеская союзная поддержка» стала заметно идти на убыль.

Иностранцы солдаты, присланные для разгрома русской революции, стали постепенно отрезвляться и поворачивать штыки в сторону сибирского народоуправства.

К маю 1919 года верными омским атаманам остались только японские штыки да бригадные блестящими шпорами и эполетами незначительные отряды бывших в Сибири польских, румынских и сербских военнопленных.

Английское правительство из-за боязни «обольшевить» своих солдат вынуждено было убрать их к себе в Канаду, а отдельные чехо-словацкие солдаты уже боролись на стороне с рабоче-крестьянскими партизанами и, наравне с русскими рабочими, расстреливались и отправлялись на «отсидку» в концентрационные лагеря.

Разочаровался в народоуправческих убеждениях сибирских атаманов даже сам главнокомандующий английскими войсками генерал Нокс и неожиданно увидел, что они «имеют очень мало сходства с нормальными людьми, а, тем более, с народными представителями». И хотя атаманы—Семенов, Калмыков, Шендриков, Дутов, Анненков, Красильников и другие всячески старались доказать «великобританскому его превосходительству» ошибочность его выводов, он остался при своем мнении и при новом звании «косвенного большевистского агитатора».

Но омское правительство, не желая «срывать скорого признания», начинает «демократизировать» персональный состав местных начальников и вновь заполняет сибирские города сотнями тысяч «демократических грамот».

Иванов-Рингов отзывается из Владивостока, Волков из Иркутска, Лебедев из военного министерства. В состав правительства привлекается «видный социалист, член областной думы, кооператор» А. М. Окороков.

Подтверждается «незыблемость народоуправческих основ всероссийского правительства», создается комиссия по подготовке выборов во «всероссийское представительное народное собрание», издается законопроект о пополнении и расширении прав созданного еще в ноябре экономического совещания, до запросов правительству включительно и т. д. и т. д.

Но на местах проводится «еще более прямая и национально-русская политика».

Не веря не только во «всероссийские масштабы», но и в продолжительное свое сибирское бытие, местные атаманы, до начальников гарнизонов и управляющих уездами включительно, всячески стараются «сколотить себе лишнюю копейку на черный день».

И если раньше большевиком был тот, кто был плохо одет и имел «пролетарскую физиономию», то, начиная с июня 1919 г., «запо-

дозревшими в большевизме» становятся все, в зависимости от состояния их кошелка.

Но они были более чем правы, когда сомневались в своем «долголетии».

Вскоре за своим опьянением от «заграничных побед», омское правительство почувствовало, что почва под ним оказалась подгнившей и проваливается...

После гигантской работы, произведенной пролетариатом в Советской России, Красная армия стала армией и перешла в наступление...

Отравление чехо-словацких и других иностранных войск, непрерывающаяся вражда среди самих атаманов и другие обстоятельства подточили все «омские пародоправческие основы».

И сибирским большим и малым атаманам оставалось только на спинах понавившихся им «заподозренных» выжигать переоглифы для «будущей истории и потомства» и еще более беззастенчиво выставлять подлинное свое лицо и настоящее происхождение.

Рабоче-крестьянская Сибирь окончательно замурчалась от наступившей конмарии, кровавой темноты «омских слез» и нечеловечески застнала от души, ум и сознание помрачающих «омских действий»...

VI

«Я не повелю вас ни по пути преступного соглашения с большевиками, ни по пути реакции... Пусть Учредительное Собрание, избранное на основе самого свободного в мире права, будет нашим знаменем по священному пути в Москву...»

«Это мое слово — честного гражданина и солдата...»

«Свободный труд, охрана личности и имущества граждан, свобода совести и слова, равенство национальностей... лежат в основу моей деятельности и работы совета министров...»

Так объявлял адмирал Колчак в своем ноябрьском приказе армии и флоту, возложив на себя «крест власти», протескающей от сибирской областной думы и уфимского государственного совещания. То же декламировал он в своей декабрьской «грамоте русскому народу».

«Только чувство патриотической государственности должно руководить вами в борьбе с преступными расхищателями народного достоинства, и никакой разлагающей партийности я не допущу в рядах армии...»

говорил Колчак в приказе верховного главнокомандующего солдатам армии 24 февраля, когда после пермских боев, было «усмотрено слишком близкое товарищество» среди солдат и офицеров некоторых частей пензенского корпуса.

«... Армия должна быть строго аполитична, и только мысль о единой великой России должна быть движущей силой для всех чинов ее, от солдата до генерала включительно...»

говорил тогда же председатель Совмина Вологодский представителю Рга.

Таковы были слова и официальные «всенародные» заявления. В действительности же русский народ получил вот что:

30 ноября в Омске, на вокзале, были арестованы офицеры Барановского полка, Дашков и Ковалев, только потому, что они в частной беседе высказались за «необходимость сибирского учредительного собрания». 22 декабря, в числе пятисот, они были расстреляны.

3 декабря, в Барнауле, военно-полевым судом, под председательством капитана Андрушкевича, были приговорены к смертной казни и расстреляны несколько солдат барнаульского полка «за агитацию в пользу Учредительного Собрания».

14 декабря, в газете «Джапан Адвертайзер», американец Франк Кинг пишет:

«Безащитные из Хабаровска от тиранни атамана Калмыкова русские выглядят полонными от тех ужасов, которые им пришлось пережить от безумных калмыковцев. В защиту бесновидно расстреливаемых русских вынуждены были вступить американские войска. Положение стало весьма острым и еще более осложнилось после того, когда Калмыковым были расстреляны 11 политических заключенных, несмотря на протест командующего американскими войсками, который предлагал, чтобы этих арестованных судили...»

Казни провазвонили калмыковцами в стенах хабаровской тюрьмы, на берегу Амура и юбилей таунтвахты...

К американскому штабу обращаются многие русские женщины, матери и жены, с мольбами о заступничестве...

В этом же месяце, без суда и следствия, в г. Кузнецке было расстреляно 64 солдата и рабочих за «организацию противоправительственного восстания», которое выразилось в том, что они на своем собрании постановили «бороться за созыв сибирского учредительного собрания».

В то же время, с санкции штаба верховного главнокомандующего, были разогнаны, арестованы и, в большинстве своем, расстреляны все «целеуевные от дирекции» активные работники профессиональных союзов, политическая деятельность которых в последнее время выражалась только в том, что они иногда «напоминали об Учредительном Собрании».

В течение зимы были закрыты все, даже помогавшие в свое время свергать Советы, пародоправческие газеты: «Алтайский Луч», «Наш Путь», «Урал», «Сибирь», «Дело», «Железнодорожник», «Дело Народа», «Голос Рабочего», «Каменская Жизнь» и др., оставлены были только исключительно поющие дифирамбы политике сибирских атаманов.

В Семипалатинске атаман Аниенков в январе месяце объявил «русским гимном» своего отряда «боже, царя храни» и тогда же откомандировал под разными предлогами нескольких своих офицеров и чиновников в разные города Сибири для розыска «великого князя и заведывающего пародоправчества перед ним ненарушимости верноподданнических чувств». Некоторые из них, снабженные хорошими деньгами, проникли даже в Советскую Россию и за границу.

Несомненно, зная это, «строго аполитичный штаб главноверха», тем не менее, предложил атаману Аниенкову «представить послужной список на предмет провазвонения его в генерал-майория», получив в

ответ, что его, как «русского офицера, может благодарить и повышать в чинах только... его императорское величество».

В том же месяце в Иркутске образовался «монархический кружок русских людей», большинство руководителей которого в то же время состояло на видных должностях штаба округа. Для «своих надобностей» кружок свободно мог пользоваться помещением штаба и типографией. Ему разрешалось вести беседы среди солдат и рабочих, а на проезд в села выдавались открытые листы с надписью «по делам военной необходимости»...

В г. Красноярске тогда же состоялся, с разрешения военных властей, монархический съезд, преимущественный состав которого был офицерский. Съезд вынес целый ряд резолюций политического характера. Некоторые из них заканчивались словами: «ждать до занятия Москвы».

В армию, с разрешения агитационного отдела штаба верховного главнокомандующего, начиная с декабря отирались вагонами монархические прокламации, издаваемые субсидируемым омским правительством «святым братством», в составе которого было несколько видных омских чиновников и ответственных генералов.

Во все полки армии были назначены священники с определенной целью, очерченной «святым братством», имевшим в высшем церковном совете преобладающее влияние.

В войсковых частях всех сибирских военных округов, с ведома начальствующих лиц, образовался целый ряд офицерских монархических кругов, имевших в своих рядах почетными членами видных представителей военной администрации.

Во всех крупных городах: в Иркутске, Екатеринбурге, Ново-Николаевске, Омске, Чите, Хабаровске, Барнауле и др., в публичных местах, по настоянию офицеров, исполнялось «боже, царя храни»; при этом за отказ встать при исполнении «гимна» присутствующих хватили, арестовывали и обвиняли в... большевизме.

При встрече нового года несколькими офицерами барнаульского полка, с разрешения командира полковника Липунова, предложено было оркестру исполнить «гимн». Не вставших при его исполнении поручика Суворова и капитана Скворцова на другой день арестовала контр-разведка по обвинению в «большевизме». И только, чтобы не поднимать «шума», их не передали военно-полевому суду, а через месяц гауптвахты отправили на фронт.

За эти же грехи было арестовано несколько офицеров в барабинском и ново-николаевском полках, и трое из них, Мякишев, Сикорский и Поплавкин, расстреляны по приговору суда.

Вийскому прифронтовому военно-полевому суду были преданы несколько солдат местного гарнизона за то, что они «14 декабря, во время раздачи им правительственной литературы, не только отказались принимать таковую, но при этом выразились скабрёзными словами»; их обвинили в большевизме и расстреляли.

17 января в Барнауле гарнизонный священник беседовал с двумя ротами солдат 3-го полка в военной церкви о целях борьбы с большевиками. После беседы было разрешено задавать вопросы.

Через три дня 21 солдат этих рот и два офицера были арестованы по подозрению в большевизме. На предварительном следствии выяснилось, что они с «педовверием отпеселись к друшению и даже возражали». По приговору суда 18 из них расстреляно.

В том же месяце несколько офицеров каменского гарнизона пришли в местную тюрьму и заставили политических заключенных петь «боже, царя храни». Отказавшиеся петь, три учителя и один кооператор были выведены, их заставили вырыть ямы и уже в яме пристрелили. При этом учитель Швецов был закопан живым.

В Иркутске 24 февраля, в помещении кафе-шантана «Эдем», офицерами отряда Красильникова, за непочтительное отношение к «гимну», было арестовано несколько офицеров и штатских, причем двое из них, тогда же, при попытке бежать, были расстреляны.

На пароходе «Воронцов», в Камне, 18 сентября двумя офицерами был арестован за «испекание петь гимн» казанский торговец Воронников и, с ведома начальника контр-разведки капитана Степаненко, «спущен в Обь».

Так народоуправческое правительство адмирала Колчака управлялось со своими верноподданymi, но протестующими людьми. Ужасом средневековой инквизиции отдают от расправы омского правительства со своим врагами: вольными и невольными большевиками.

В первых числах февраля 1919 г. в Омске произошло восстание рабочих, которым руководил областной комитет сибирских большевиков. Восстание было раздавлено дивизией генерала Волкова, а захваченные в плен активные большевики (т. т. Нейбут, Степанов, Гаврилов и др.) были замучены штыками до смерти без суда и следствия.

22 октября 1918 г. в с. Лешьях, Славгородского уезда, карательным отрядом Закревского был арестован, жестоко избит и только каким-то чудом спасся из-под расстрела, раненый, с выбитым зубом. П. С. Парфенов (бывший член алтайского губисполкома), проживавший в деревне у своего отца и не занимавшийся политической деятельностью.

11 марта в Томске контр-разведкой было арестовано 16 коммунистов: девять из них умерло под пыткой, остальные были расстреляны «по суду».

В декабре 1918 г. «живыми в землю» были закопаны арестованные руководители алтайского губисполкома, т. т.: Цанлин, Ирисягин, Карев и др.

13 марта 1919 г. в Тюмени произошло восстание мобилизованных солдат. Основная причина восстания заключалась в колчаковском режиме, в бесконечных бесчинствах и насильных хищной колчаковской своры. Особенно сильное недовольство вызвали частые мобилизации. «Российскому правительству» пузили были солдаты для защиты «верховного правителя», и потому приходилось угрозами, порками, пагайками, шомполами и ружейными прикладами стоять солдат на фронте. Благодаря провокации колчаковской контр-разведки, агенты которой под видом солдат ходили

на солдатские митинги и звали «к оружию», произошло мало организованное сепаратное восстание солдат с участием небольшого количества рабочих, которое было потоплено в крови; было расстреляно около 200 человек, при чем несколько человек, совершенно не принимавших никакого участия в восстании (подробности о восстании в Тюмени — см. в № 4—5 журнала «Молодая Гвардия» за 1923 г., в статье Н. Авдеева «В кровавом омуте»).

В начале октября офицерами анненковского карательного отряда в с. Черный Ануй, Бийского уезда, при ближайшем участии местного священника (беженца из Петрограда) и начальника почтово-телеграфной конторы, в 17-летнем телеграфисте было открыто «неоспоримое сходство с законным наследником российского престола цесаревичем Алексеем». Тогда же было срочно сообщено в Омск о «счастье русского народа» главному церковному управлению и помощнику главнокомандующего фронтом генералу Ивану-Рипову, с просьбой принять на себя меры для охраны «особы цесаревича». И, несмотря на всю очевидную абсурдность этого нового «политического предприятия», из Омска официально было предложено анненковскому отряду, под строгой ответственностью, перевести «цесаревича» в Бийск, куда сразу же началось усиленное патологическое духовенства, офицеров и чиновников для «выражения чувств». Для личного свидания с «наследником», по предложению атамана Иванова-Рипова, ездил из Томска даже командующий войсками эвакуированного омского округа генерал Матковский.

Так понималось «народоправство», свобода совести, беспартийность, свобода слова, охрана рабочих интересов и т. п. омским народоправческим правительством в его практических, кощарных проявлениях.

VII

«Здоровая, частная торговля и промышленная инициатива, развитие сельской промышленности, всеческое поощрение развития и мощности кооперации... укрепление на местах авторитета органов городского и земского самоуправления — фундамент вероссийского правительства...».

Писал 14 февраля омский министр иностранных дел Суккин в Париже Бурцеву для сообщения союзным правительствам платформы и программы правительства адмирала Колчака.

«... Я был и есть сторонник передачи всей земли крестьянам и всем тем, кто хочет обрабатывать ее своими усилиями, и по приезде в Омск передам совету министров о крайней необходимости издания соответствующего акта по земельному вопросу...».

заявлял Колчак 16 февраля в своей речи земским представителям г. Екатеринбург.

«Государственная власть, в основу которой положены принципы законности, порядка и справедливости, никогда не может допустить незаконных действий своих местных агентов, а тем более — самовольных реквизиций общественных и частных грузов...».

заявлял 3 июля министр внутренних дел Пенезяев корреспонденту Рга.

Таковы были шумно и много разбрасываемые слова, и как не похожа была на них черновая и практическая действительность!

Земские и городские самоуправления, в своей наиболее активной меньшевистско-эс-эровской части, были разогнаны еще во времена директории и областной думы; правительство Колчака завершило только окончательный разгром их, забывая совершенно о своей наследственности.

В ноябре, декабре, январе состоялись пере выборы городских дум уже по новому «омскому» закону, редактированному кадетом В. Жарденцим. И даже в относительно свободном режиме, екатеринбургском, рабочие не смогли участвовать в этих выборах, не говоря уже о том, что «новый закон» был изменен исключительно за счет трудящихся.

Пере выборы земских самоуправлений были предприняты еще во времена сибирского административного совета, который поручил товарищу министра внутренних дел доктору Грицианову изготовить соответствующий законопроект. Но уже в ноябре омскому правительству, по докладу генерала Матковского, стало ясно, что крестьян сначала нужно «усмирить». И вопрос о пере выборах земств затонул. В январе уже вся деревенская Сибирь состояла в войне с омским народоправством. И по докладу министра внутренних дел Гауценберга, омское правительство решило «продлить полномочия земских управ» до окончательной победы над большевиками.

Но «продленным» земским управам политически вылезать себе разрешено было только в смысле положительном к омским атаманам. Только за постановку вопроса о способах прекращения гражданской войны в Амурской области на повестку командующий войсками приамурского военного округа, атаман Иванов-Рипов, своим приказом от 10 февраля за № 51, приказал разогнать амурское областное земское собрание.

С февраля месяца были объявлены «большевистствующими» и те земские управы, которые «молчали» и не выносили определенных решений о признании омского правительства. С июня месяца не было разрешено ни одного земского собрания, а образовавшийся в Томске сибирский союз земств и городов формально не был утвержден министром юстиции, даже несмотря на то, что этот союз всечески старался доказать свою солидарность с омским правительством и в своем составе имел ярых сторонников сибирского народоправства, в лице Якушева, Моравского, Павловского и других.

Еще худшей была в действительности «всякая поддержка развитию и мощности кооперации».

Уже 7 октября совет всесибирских кооперативных съездов жаловался сибирскому правительству, что на местах происходят «всические реквизиции кооперативных грузов и аресты кооперативных работников».

14 ноября образовавшийся в Омске с самого начала сибирского народоправства совет съезда торговли и промышленности обра-

тился с циркулярным письмом и воззванием ко всем торгово-промышленным организациям, призывая их к ассигнованию средств для «самой суровой и беспощадной борьбы с внутренними большевиками — кооперацией». 28 ноября председатель съезда торговли и промышленности Гаврилов телеграфирует омским послам в Токио, Лондоне, Пекине, Париже и Вашингтоне, указывая им, что

«крайне необходимо установить тесное сообщение заграничных торгово-промышленных палат с советом съезда и просить их *сноситься только с нами*».

Вслед за ним, этим же послам министерство иностранных дел посылает циркулярное письмо, «разъясняющее», что от имени «российской торговли и промышленности за границей может выступать только всероссийский совет съезда торговли и промышленности».

И несмотря на то, что часть кооператоров всячески доказывала омскому правительству свою «исключительную аполитичность», а часть состояла в омском «Союзе возрождения» и поддерживала омских атаманов, начиная с июня кооператоры все берутся под покровительство «в большевизме».

И в то время, когда торговцам и промышленникам несуществующих заводов и фабрик омское правительство выдает субсидии на миллиарды рублей, кооперативным союзам, которым принадлежит 80% фабричных и заводских предприятий Сибири, и земским управам — дается всего несколько десятков миллионов рублей.

Кооперативным правлениям не возвращаются даже те миллионы рублей, которые израсходованы были ими на свержение советской власти в Сибири, хотя, ассигнуя их, кооператоры заявляли, что они «дают заморозку сибирскому правительству».

Начиная с июля, кооперативным союзам не разрешается созывать даже своих общих собраний, хотя омский всесибирский совет кооперативных съездов всячески старается доказать правительству, что кооперация ему сочувствует и его поддерживает, имея свои санитарные отряды на фронте, солдатские лавочки, являясь контрагентом правительства по покупке мяса, хлеба и масла и ассигнуя из своих средств миллионные пожертвования на нужды «возрождающейся России»...

А 28 апреля японо-американская газета «Джанап Адвертайзер» сообщает:

«На сибирских и дальневосточных ж. д. происходит настоящий вакханалия с реквизициями грузов, преимущественно земско-кооперативных. Только одним атаманом Семеновым за последнее время было реквизировано: мяса — 1.313 пудов, какао — 1.302, перцу — 331, сала — 829, молока — 350 ящиков, фруктов сушеных — 506 ящиков, пищевых припасов разных — 2.629 п., муки — 19.718, пшеницы — 21.567, чая — 56.938, сахару — 9.300, рису — 125.900, рыбы — 190.750, масла — 14.387 и др.»

Но, кроме продовольственных грузов, им также реквизируются: лошади, автомобили, всевозможные машины, галантерейные и мануфактурные товары, мешки, резина сырая, кожи, металлы, стекло, канцелярские и конторские принадлежности, химические продукты, аптекарские товары, почтовые посылки, багаж и другие товары.

На реквизируемые им товары только в управление Кит.-Вост. ж. д. поступило претензий на несколько миллионов рублей.

В Западной Сибири военными властями реквизирована вся газетная бумага, принадлежащая общественным организациям.

В Ново-Николаевске штабом верховного главнокомандующего 15 апреля реквизирована со всеми принадлежностями и оборудованием типография «Закумбыта», являющаяся самой лучшей и большой типографией в Сибири...».

Несколько не лучше обстояло дело и с передачей «всей земли крестьянам».

В Сибири помещичьих земель нет, и «острых недоразумений» на аграрной почве омским правительством не предвиделось. Поэтому правительство Колчака начало утруждать себя «земельным вопросом» только после зимы, когда сибирскими войсками были захвачены некоторые части Уфимской и Пермской губерний, и атаманы появились в полосе крупных и мелких помещичьих владений.

И как будто из земли выросли многие «законные владельцы». Помещиками оказались и многие чины высших войсковых штабов. И хотя из Омска, вместе с монархической литературой, широко распространялись и листовки о «земле и воле», помещики только ухмылялись, говоря, что это-де писано «для мужиков».

Не успели войска «очистить» как следует местность около г. Белебея, помещики уже были тут. Даже больше: многие с ордерами штаба армии и корпуса, в которых приказывалось всем правительственным учреждениям оказывать помещикам всяческое содействие.

Но местные крестьяне уже два года пользовались помещичьими угодьями и всю землю привыкли считать своею. Некоторые из них пытались даже доказать явившимся «законным владельцам», что земля принадлежит им и «по приказу адмирала», и что об этом написано «крупным прифтом» во всех уфимских и омских газетах.

Этот спор решался на месте тогда же и, конечно, не в пользу крестьян, и не так, как было написано в омских грамотах и декларациях.

Около станции Давлекано, Самаро-Влатоустовской ж. д., Белебеевского уезда, в мае месяце было занято с. Ивановское, возле которого находится богатое имение Аксеновых. Через неделю появились и бывшие владельцы. А так как штаб квартировал в доме помещика, вступление его во «владение» состоялось при самом ближайшем участии военного начальства.

Был устроен торжественный обед с музыкой и даже парадом. Крестьян пригнали всех к штабу и объявили, чтобы они немедленно возвратили все имущество, взятое ими из имения. Крестьяне, конечно, даже при желании не могли бы этого сделать: за два года воды утекло слишком много.

Тогда их начали арестовывать, судить, пытать и расстреливать через «нятого».

Через несколько дней ими было сожжено имение. В отместку штаб приказал сжечь село. И через три часа от цветущего села с

десяти тысячным населением осталось только несколько обгорелых домов да тысячи сирот.

В том же уезде, во владение имения «Воронов» приехали два гвардейских офицера, братья Вороновы, из отряда полковника Капшеля с партией солдат.

В доме имения уже второй год было сельское училище, крестьянское собрание и пародный дом. «Владельцами» учительница были изнасилованы, дети почти все выпороты палками, а крестьяне от 18 до 45 лет объявлены «вне закона» и частью были расстреляны, частью разбежались.

Дело с «выселением» было настолько жестоко, что возмутило даже некоторых офицеров капшелевского отряда, и трое из них, поручики Васильев и Гридин и прап. Толкачев, подали мотивированные рапорты о привлечении корнета и штабс-ротмистра Вороновых к ответственности.

Но когда эти рапорты попали к начальнику отряда полковнику Капшелю в них «усмотрено» было «сочувствие к большевикам и измена святому делу возрождения родины». И после краткой процедуры, называемой военно-полевым судом, «заподозренные» офицеры были все расстреляны.

И так было везде, где интересы помещиков сталкивались с интересами крестьян.

Так разрешалась практически «передача» всей земли крестьянскому населению». Она была настолько кошмарна и кровава, что и самом председателе омского совета министров П. В. Вологодском «совесть заговорила». Он вспомнил, что он — недавний кооператор, социалист-революционер, председатель судебной палаты революционного правительства. Но, как жалкий, безвольный, бесхарактерный, недалекий человек, он только подал Колчаку прошение о своей отставке и с его разрешения уехал из Омска в месячный отпуск... поохотиться за утками в кокчетавских степях.

За границей, получив омские манифесты о «земле и воле», «свободной, мощной кооперации», «городских и земских самоуправлениях», всячески козыряли ими на рабочих собраниях, показывая начальным отрицательно и недоверчиво относятся к демократичности омского народоуправства рабочим массам на «конкретные случаи омского демократизма».

В Нью-Йорке, в защиту экономической политики омских атаманов, выступили даже кооператоры: Трутнев, В. И. Башкиров, Мартюшин и др., декларируя от имени «миллионов кооперируемого ими рабоче-крестьянского населения свою солидарность со всероссийским правительством...» хотя Трутнев являлся только приказчиком «Закумсыта», сопровождавшим его пушницу, а Башкиров и Мартюшин могли представлять только самих себя, по отнюдь не кооперацию.

И даже «сама бабушка русской революции», Е. Брешковская, развезжая по заграницам за счет омских атаманов, всячески отрицала «преступность большевиков и демократичность всероссийского

правительства», жалуясь, что американские рабочие плохо относятся к «старым революционерам».

Но заграничных социалистов-революционеров не могли поддерживать даже их сибирские товарищи и единомышленники. Они остались одиноки в своих «призывах помочь возрождающейся России». Эти призывы, кроме приемных задних дворов капиталистов, нигде не находили себе отклик и применения.

Рабоче-крестьянская Сибирь, стальной стеной оцениваемая гнезда сибирских атаманов, в своем подавляющем большинстве даже и не могла знать, что от ее имени за границей «поддерживают» этих атаманов.

Это было так дико, как дика и кошмарна была и вся «практика» омского народоуправства.

VIII

Еще с момента свержения Советской власти в Сибирь омское народоуправческое правительство, пользуясь каждым удобным случаем, в особенности подчеркивало свое «культурное превосходство над врагами народа» из Советской России и всячески отнекивалось преимущественность прогрессивности в лагере «возрожденной России»...

По наследственности, указавшее «превосходство» не меньше афинировалось и правительством военной диктатуры, которое, часто хвастливо рисуясь перед инбстратцами, в особенности указывало на свою близость к сибирской интеллигенции и на свои особенные заботы в области народного просвещения.

«И раньше и теперь я попрежнему остаюсь горячим сторонником образования народа, ибо только в разумном, трезвом и сознательном понимании своих интересов рабочими и крестьянскими массами я вижу светлую будущность великой России»,

заявлял Колчак 8 июля в своем интервью с профессором английского университета Перс.

«Весь рабочий аппарат министерства в настоящее время занят исключительно предварительной схематизацией материалов по расширению сети низших, средних и профессиональных учебных заведений.

Некоторые директора министерства готовят законопроект, значительно упрощающий управление местными учебными заведениями...»

На организацию просветительных мероприятий в армии и среди крестьянства, имеющих временное, но, несомненно, большое значение, министерство уделяет максимум возможностей...»

заявлял еще раньше представителю Рга заменивший профессора Сапожникова, министр народного просвещения инженер-механик Преображенский.

«Вы хотите помочь своими познаниями всероссийской армии, избравшись на тени невежества и низкого культурного уровня, — могу заверить вас, что все, направленное к оздоровлению духа и физической мощи русского солдата, внешними чинами армии будет от души приветствоваться...»

И вообще мы вовсе не такие, какими вы считаете нас там, у себя на родине, и для нас тоже далеко не чужды современные веяния прогресса...».

говорил 24 июня, в официальной беседе с представителями американского союза молодых людей, «управляющий военным образованием» генерального штаба подполковник Клерже.

По это были только слова, пускаемые омским пародоправчеством на предмет «союзного умиротворения», и они были совершенно несхожи с действительностью...

Русская революция с начала марта 1917 года, наиболее импульсивно выявилась в различного рода культурно-просветительных кружках, обществах, союзах и отделах.

Несмотря на всевозможные политические пертурбации и экономические неурядицы, вся энергия сознательной и преимущественно рабоче-крестьянской части русского народа больше всего была направлена к своему культурному усовершенствованию.

В конце 1917 и в начале 1918 г. почти вся Сибирь покрылась густой сетью губернских, уездных и волостных отделов по народному образованию, культурно-просветительных союзов и сельских просветительных обществ.

За этот период в Сибири было открыто больше трех тысяч сельских школ и больше двухсот средних, высших, начальных и специальных училищ. Кроме того, было создано больше 75 разных учительских, кооперативных и др. курсов, и состоялось не меньше 50-ти съездов культурно-просветительного характера. За этот период издавалось больше 25-ти разных журналов, посвященных преимущественно культурно-просветительной деятельности.

Правда, все эти мероприятия, благодаря своему кратковременному и часто случайному существованию, сделали не очень много и по той же причине не могли вылиться в стройную, наиболее целесообразную и симметричную форму, но все же это был бурлящий котел, полный живых, способных, верующих в идею народного просвещения людей.

Сибирское пародоправчество, еще до падения директории, сокрушительными ударами приказов по армии и военным округам Гришина-Алмазова, Иванова-Ринова и других «первоначальных корифеев» уже умертвило почти все культурно-просветительные организации и начинания советского периода и отбило желание у большинства записаться своим культурным усовершенствованием.

Правительство омской диктатуры только завершило просветительные мероприятия своих предшественников.

Оно начало с того, что прекратило отпуск средств земским самоуправлениям, заподозрив их в «партийности», что на первых же порах вынудило сельские училища прекратить свое существование.

В городах также фактически не было открыто не только ни одного среднего и высшего начального училища, но и 75% существующих в начале учебного года были закрыты частью за отсутствием средств, а в большинстве случаев—ввиду нового назначения учеб-

ных заведений под казармы своих и иностранных войск, тюрьмы и контр-разведку.

Открытый в Иркутске государственный университет фактически смог владеть только жалкое существование, да и то при поддержке исключительно кооперативных организаций.

Все культурно-просветительные союзы и общества в селах были закрыты при первом же появлении в последних карательных отрядов, как наибольший рассадник «заразы большевизма».

В городах просветительные кружки, комитеты, отделы профессиональных союзов были похоронены еще раньше.

В июле был закрыт, ввиду «неблагонадежности» руководителей и отсутствия средств, мощный рассадник культурно-просветительной кооперации, алтайский «культурпросвет», в начале 1918 года охвативший свою деятельностью почти всю Западную Сибирь, издававший литературно-художественный журнал «Сибирский Рассвет», учебники, беллетристические произведения, имевший музей, библиотеку, художественную школу и мастерскую, мастерскую игрушек и учебных пособий, книжный склад, магазин, типографию и пр.

Все культурно-просветительные отделы кооперативных союзов были закрыты за «разные подозрения» еще на первых порах «просветительной работы» омских атаманов.

А весной и летом 1919 г. «сами закрылись» почти все инструкторские кооперативные отделы и коллегии. Не говоря уже о том, что и уцелевшим инструкторам, без разрешения контр-разведки, нельзя было выехать даже за город.

Свободно разразная устраивать съезды монархическим организациям, торгово-промышленникам, духовенству, омское пародоправческое правительство не разрешило созвать всесибирский учительский съезд и съезд по народному образованию, хотя на последнем настаивал в свое время сам министр народного просвещения Санжников.

Уездные учительские съезды в некоторых случаях были разрешены, но участники их вынуждены были переходить (в Камне, Бийске, др.) на нелегальное положение за «большевистское настроение», выразившиеся в том, что съехавшие учителя иногда возмущались и «осмеливались» протестовать против пародоправческих пороков и расстрелов.

Для руководства средними и высшими начальными учебными заведениями, которые были изъяты из ведения земств и городов, в учебных округах были назначены «уполномоченные министерства народного просвещения» с функциями бывших директоров сельских училищ и отчасти попечителей округов, т.-е. для «наблюдения за правдивностью учащихся и учащихся, идейного руководства и общей «согласованности»...

«Идейное руководство» уполномоченных в некоторых местах сразу же выявилось в том, что ими было усмотрено много «крамольного» элемента в среде учащихся и «неблагонадежности» в деятельности родительских комитетов и педагогических советов. В результате «соответствующих дописов» министру роль родительских ко-

митетов была сведена на-нет, а педагогические советы частью умерли естественной смертью, так как представители родителей и местных самоуправлений вышли из их состава из-за боязни быть «заподозренными», частью стали «только подсобными» техническими органами. И на «законных местах», в роли независимых директоров и инспекторов, были посажены вновь выброшенные волною революции «старые заправилы».

А благодаря «наблюдению», упомянутыми было усмотрено, что и от программ учебных заведений «пахнет большевизмом». Этот «запах» оказался в том, что закон божий учат «только желающие». После «соответствующего министерского разъяснения» и эта «дурь» была вырвана воп. Учащиеся, родители которых в паспортах имели надпись «православный», должны были вновь обязательно черпать познания из «мудрого катехизиса» и истории «ветхого и нового завета».

В новой орфографии тоже был «усмотрен большевизм», окончившийся для многих ее последователей военно-полевым судом и расстрелом. И хотя министерство с «этой затеей» активно не вело борьбы, но и не защищало и передавало ее на «суд местам».

В Екатеринбурге в апреле ген. Голицын отдал приказ бросить «большевистские замашки», хотя, как известно, целесообразность этих «замашек» была отмечена еще царской академией наук, тем не менее ослушавшийся солдат интендантства был арестован и впоследствии в числе других расстрелян.

Все командиры войсковых частей, начальники штабов и правительственных гражданских учреждений, в своем большинстве, тоже смотрели на новую орфографию, как на «большевистское нововведение». И привыкшие к ней должны были «зубрить буквы зять», так как в неправильно написанных рапорте и отношении уже мерещилась тюрьма и гауптвахта.

В Каменском союзе кооперативов имеется историческая бумага, на которой написано: «С большевиками в переписке не состою, а — расстреливаю. Поручик Бессмертный». Этот «большевизм» был усмотрен «культурным карателем» тоже в новой орфографии.

Закрыв все, даже демократические, газеты и журналы за «большевистские тенденции», омское правительство, в лице министерства народного просвещения и охранного управления, начало интересоваться содержанием библиотек и книжных складов, созданных периодом революции.

И... о ужас! Они оказались битком набитыми разными брошюрами об «Учредительном Собрании», «Всеобщем избирательном праве», «Демократическом управлении», «Земельном вопросе», «Народной армии» и вообще «прочей большевистской дребеденью».

Начались поиски, выемки, аресты, «дела» и расстрелы.

И даже больше того...

Некоторым начальством было замечено, что в переписке кооперативных организаций все еще существует обращение «уважаемые товарищи»...

Тут уж даже не требовалось никакого «предварительного следствия».

И целый ряд кооператоров в Камне, Вийере, Устькамногорске и других городах и многочисленных селах был арестован, вынорот и даже расстрелян исключительно за «уважаемые товарищи».

Омские и другие атаманы на этот раз забыли, что в недавние времена они сами пользовались этим обращением, и что на требовательных ведомостях с обращением «уважаемые товарищи» они собственноручно расписывались.

В июле омское правительство, наконец, додумалось, как одним взмахом можно покончить с «взбудораживающей умы народа» литературой.

Приказом верховного правителя и верховного главнокомандующего была образована комиссия из представителей: штаверха, министерства народного просвещения, бюро печати, департамента государственной охраны, «святого братства», высшего церковного совета и других не менее «компетентных» организаций. Этой комиссии было поручено выработать способы уничтожения «вредных брошюр и книг» и замены их литературой «вполне трезвого направления».

Вскоре, после немалого труда, выявившаяся плодотворность работ этой «академической» комиссии. И к «большевикам» были причислены не только издания революционного периода, но и... Л. Толстой, Горький, Гершен и другие идеологи русской народной интеллигенции и современного гуманизма.

А через некоторое время после этого законодательства в армию и в деревню повезли еще в большем количестве издания «святого братства», «русского бюро печати», информационно-агитационного отдела штаверха, высшего церковного совета и других не менее «трезвых» учреждений.

Содержание этой новой, «не взбудораживающей умы» литературы вполне импонирует ее издательствам, и сущность ее была так же бездарна, безграмотна, лицемерна и полна грязи и обмана, как и все остальные «просветительные понятия» омских попов и атаманов.

Все же «подозрительные» сочинения, хотя это были мысли лучших русских людей и недавние заповеди омских народоуправительских министров, департамент охраны взял под свое «особое покровительство».

И начались опять обыски, аресты, издевательства, расстрелы, — но уже, преимущественно, интеллигенции.

Получилось так, что вместе с «подозрительной» книгой «внезаконным» делался и ее владелец.

Созданный «энергичным Пенелеевым» аппарат заработал го-всю...

В Тюмени «охраной» было арестовано несколько рабочих за «хранение большевистской литературы»; их предали военно-полевому суду и расстреляли.

В Камне 4 октября был снят с парохода, потому что при обыске у него оказалось «Учредительное собрание и право», кооператор Будкевич (старик) и... расстрелян. Вместе с ним за такое же «преступление» была тогда же арестована местная учительница Лыпустина, вскоре же расстрелянная в числе 65-ти. На этом «деле» местный контр-разведчик капитан Степаненко только на «законном основании», как «открывший большевизм», заработал три тысячи рублей. Кроме этого, у Будкевича, схваченного по поручению томской губернской земской управы в Барнауле за покушкой швещицы, было несколько сот тысяч рублей.

18 июля в Екатеринбурге были арестованы: поручик Мильников, поручик Сансов и др., всего 14 человек солдат и офицеров Иркутского артиллерийского дивизиона, за то, что они «совместно на квартире Сансова читали большевистское воззвание штаба 5-й советской армии к русскому офицерству». Все они, по приговору суда, были расстреляны.

3 сентября в томском полку были арестованы: прапорщик Швецов, подпоручик Кузлев и несколько солдат за то, что «они назвали ерундой» воззвание патриарха Тихона, а при обыске у них оказались «прокламации партии сибирских социалистов-революционеров, призывающие к военному бунту и свержению существующего государственного строя». Все они были расстреляны.

В Семипалатинске 12 августа отрядом атамана Анненкова была арестована семья беженцев Топоровых за «надежную у них разную московскую большевистскую литературу и портреты большевистских главарей». От них сначала было приказано «узнать», что делается в Москве, а затем их без суда и следствия... изрубили.

В Марининске 16 сентября за «хранение нежелательной литературы» было арестовано несколько местных кооператоров, и, хотя они всячески старались доказать, что они «не большевики и даже свергали их», двое из них были повешены.

18 сентября на станции Маккавеево Заб. жел. дороги отрядом барона фон-Гирбаха было «скачено» с поезда несколько пассажиров, в том числе поручик Степанов, только за то, что они были «одной командой», и при «просмотре их багажа» у одного из них случайно оказалась брошюра «Народ и войско», изданная в 1917 г. петроградским советом... Фактически же их арестовали за большие суммы денег, имевшиеся у них.

Приказом верховного правителя и верховного главнокомандующего от 30 апреля за № 129, подтвержденным 19 мая, на военное цензурные отделы при штабах войск и начальников гарнизонов и всех военных контролеров возлагается исключительная бдительность за работой типографий. Ни одно издание, даже поименованного характера, не могло быть выпущено типографией без соответствующего разрешения цензуры и контр-разведки.

Такова была в конкретных, практических примерах всенародно-оттеняемая любовь и стремление омекого правительств к народному образованию, культуре и разумному воспитанию рабочих

и крестьян. И таково, в действительности, было его «тесное сотрудничество» с сибирской интеллигенцией.

Как не похоже оно на шумные слова и еще более шумные «всенародные заявления»!

Разрушено, уничтожено, убито было даже то, что в период революции, может быть, неумело на первых порах, но с искренним желанием и верою, создавалось самим трудным народом.

Разрушены гразными, большими, безграмотными руками первые попытки непосредственного творчества трудящихся и первые очаги созерцания народными массами красоты и искусства.

Сожжены, выброшены «вон», уничтожены и осквернены были создания великих русских людей, воспитанных своими идеями целые поколения русской и иностранной интеллигенции и заставивших своими усилиями и трудами все культурные части всего мира относиться к русским с должным уважением.

Но «лагушница» всячески восхваляла «культурные качества» омекого пародоправчества. Буржуазия делала все возможное, чтобы выгодной стороной показать лицо омекого «просвещения и образования».

И даже сам «старый революционер» Чайковский в июльской книжке буревесного «Общего Дела», патетически обращаясь к «народу Франции», пишет:

«... Всероссийским правительством адмирала Колчика культурный уровень русского народа двинут вперед на несколько десятков лет... открыты высшие учебные заведения в Иркутске, Омеке, Чите, Владивостоке, создано много народных домов и несколько дворцов народного искусства...».

Не меньше старалась в выявлении омекого «культурного превосходства» и капиталистическая Сибирь. Но она с каждым днем все больше и больше спотыкалась и вскоре сама окончательно запуталась в шуме «слов» и в результатах «действий».

IX

Начиная с февраля, уже во всех местностях рабоче-крестьянских восстаний партизанское движение начинает принимать дисциплинированно-организованный характер. Наученные более чем «чувствительным» опытом за время разрозненной борьбы с сибирским пародоправчеством, рабоче-крестьянские массы психологически стремятся к организованным и вполне согласованным дальнейшим действиям, руководимые, во многих случаях, военными специалистами из своей же среды, они уже сознательно подчиняют себя законам последовательной и строгой организации и дисциплины.

С этого же времени партизанскими отрядами освобождаются от влияния пародоправческих атаманов не только почти все отдаленные от жел. дорог сельские и даже городские районы, но места, в Приморской, Амурской областях и Томской, и Енисейской губерниях, население успешно борется с карательными отрядами и в районах железных дорог.

Уже 6 марта омское правительство вновь обращается к междусюзному техническому комитету и главнокомандующему иностранными войсками генералу Жанену с настойчивой просьбой взять на себя «охрану всех линий сибирских жел. дорог», указывая, что существующая на железных дорогах иностранная охрана, в некоторых местах, далеко недостаточна.

В объявленной вслед за этим мобилизации только городской интеллигенции само народоуправительское правительство вынуждено подтвердить, что с «возрождаемым» им народом дело обстоит далеко не благополучно. И хотя приказ Колчака от 8 марта пытается оправдать, что рабочие и крестьяне не мобилизуются лишь потому, что первые нужны правительству на заводах, а вторые — на предстоящих полевых работах, в действительности, он только подтверждает состояние войны между рабочими и крестьянами Сибири и омским правительством.

Окончательное разочарование в рабочей и крестьянской «поддержке» и неуверенность в завтрашнем дне заставляют и капиталистов взывать вновь к своему заграничному собрату, и 14 марта они пишут:

«Господину начальнику японской дипломатической миссии.

Выше высокопревосходительство, нам известны последние события в Амурском крае, где японские войска с таким удивительным мужеством и самоотверженностью борются с большевиками, охраняя законность и порядок на русской земле и защищая благостояние русских граждан.

Нам известны в высшей степени доброжелательные и корректные отношения японских войск к честным русским жителям.

Наконец, нам известно ваше и вашей миссии прекрасное и чуткое отношение к России и трогательное понимание ее теперешних нужд.

Но только жители Сибири, но и массы бежавших из центральной России от большевистского террора, насилие и грабежа, — все эти коренные русские люди смотрят теперь на японцев, как на ближайших наших друзей и желанных союзников, пришедших к нам на помощь.

Благородная политика Японии, в связи с той помощью, которую нам оказывают ваши беспыльные друзья и союзники, Франция и Англия, вселяет в нас и в дальнейшем уверенность, что все трудности, стоящие на пути к возрождению единой и великой России, будут преодолены.

В частности, торгово-промышленный класс России, имеющий теперь восторженное и тесное общение с Японией, рад отметить все более и более тесное сближение России с Японией, рад способствовать этому сближению и никогда не забудет заслуг Японии перед всем русским народом в его трудную минуту.

Примите, ваше высокопревосходительство, наше глубокое почтение к Японии и ее чудесным войскам и нашу искреннюю к вам лично преданность.

Мы выражаем не только наши личные чувства, но и как уполномоченные всероссийского совета съезда торговли и промышленности, объединяющего теперь все биржевые комитеты, торгово-промышленные палаты и вообще все торгово-промышленные организации России.

Уполномоченные всероссийского совета съезда торговли и промышленности А. И. Клинги и В. И. Герасимов.

Но уже далеко неблагоприятно и в среде «самых союзных войск».

Американские войска, только спровоцированные передетыми под крестьян калмыковцами, в незначительной своей части принимают совместно с японцами экскурсию в район партизанских отрядов на Сучан, Приморской обл., а в своем большинстве начинают определенно сочувствовать рабоче-крестьянскому движению и даже местами присоединяются к нему.

Чехо-словацкие войска, даже отведенные в тыл и на линию жел. дороги, почти повсеместно отказываются «усмирять» русское население.

В зависимости от этого, иностранные войска на языке омских атаманов уже получают «соответствующие подразделения» — на своих и большинствающих.

Первого апреля 1919 года омское правительство постановляет: все денежные знаки сорока и двадцатирублевого образца («керенки») заменить знаками сибирского производства, имея в виду наличие керенок и на территории Советской России.

В это же самое время происходят восстания в некоторых частях сибирской «добровольческой» армии, в частности в барнаульском и ново-николаевском полках. И военное министерство создает комиссию для разработки вопроса о создании смешанных, русско-иностранных войсковых частей... И вскоре после этого приказом штаба от 28 апреля, за № 370, узаконяется практически принцип «смешанных» войсковых частей.

С этого же времени Амурская жел. дорога уже почти на всем своем протяжении, методически разрушаемая рабоче-крестьянскими отрядами, прекращает свое движение, а в районе Красноярска — Ильяудинск даже товарные поезда при движении охраняются карательными отрядами в броневиками.

Тогда же начинается сильное партизанское движение в Алтайской губернии и Семипалатинской области. Некоторые станции между Барнаул—Семипалатинском тоже подпадают под удары рабоче-крестьянских отрядов.

В это же время начинается массовое дезертирство из войсковых частей омского правительства призванной интеллигенции. Не помогают ни призывания к «гражданскому долгу и чести» со стороны даже самого «Союза возрождения России», ни обещание «записать на доску братьев родины» и даже «расстрелять на месте».

К маю 1919 г. почти весь север Енисейской и Томской губерний освобождается от влияния омского правительства усилиями местных партизанских отрядов. В Томской губернии действуют отряды Лобкова, Толкунова и Червякова; в Енисейской — отряды Яковенко, Кравченко и Щетникина. В особенности большое значение в борьбе с белыми войсками имел отряд последнего. В свое время тов. Щетникин, штабс-капитан, находился на службе у омского правительства и в начале 1919 г. во главе батальона перешел на сторону восставших крестьян. С тех пор тов. Щетникин является вождем енисейских партизан и делается настолько сильной угрозой омскому правительству, что тот пытался склонить его на свою сторону, обещая выдать большую денежную сумму и произвести в чин

генерал-майора. Но тов. Щетишкин остается верен своим партизанам, и после этого белое командование, в лице генерала Розанова, обещает большую сумму, но уже не Щетишкину, а тому, кто, хотя бы из-за угла, но сумеет убить его.

При поддержке Щетишкина создаются большие партизанские отряды в Кузнецком уезде Томской губернии и в Алтайской губ., которые под командованием Рогова, Мамонтова, Громова и Востренина к июлю 1919 г. освобождают от белых значительную часть Алтайской губернии, а к сентябрю в их руки переходит почти вся Алтайская жел. дорога.

На борьбу с партизанским движением правительство Колчака вынуждено отзывать с фронта лучшие и наиболее «благонадежные» свои войсковые части и специальным постановлением от 27 мая — просит генерала Жанена отдать распоряжение иностранным войскам, охраняющим железные дороги, оказывать более реальное содействие отрядам, ведущим войну с партизанами.

С усилением партизанского движения начинает понемногу заявлять о своем существовании коммунистическая партия, терпевшая до этих пор очень жестокие поражения. В апреле, ввиду провокации, в Омске был арестован областной комитет РКП, избранный на III областной конференции в марте. По найденным адресам колчаковской контр-разведке удалось почти полностью разгромить, арестовать и расстрелять большевистские организации в Омске, Томске, Барнауле и Красноярске. С наименьшими поражениями приходилось работать областным комитетам РКП, организованным на первых двух конференциях: 18—22 августа и 23—24 ноября 1918 г. в Томске. За зиму правительству Колчака не удалось окончательно задуть не только организованное большевистское подполье, но даже захватить в свои лапы его смелых и решительных руководителей и жестоко с ними расправиться; так погибл: т.т. Нейбут, Масленников, Стукни, Андреева, Ф. Суховерхов, Карл Шльмер и многие другие ¹⁾.

Таково, в общем, было положение на территории Сибири, когда стало известно, что Красная армия перешла в наступление.

X

Вскоре действие красных войск почувствовалось не только рабоче-крестьянским сибирским населением, но прежде всего и больше всего — сибирским атамановским народоправчеством.

17 июня 1919 года омское правительство срочно отправляет в Париж телеграфную мольбу к своим заграничным патронам о помощи. Омский совет министров, от имени всей России, заявляет свое согласие на признание полной государственной автономии Польши, Финляндии, Эстонии, Литвы, Украины, Грузии и согла-

¹⁾ См. К. Молотов. «Контр-революция в Сибири и борьба за Советскую власть» 1926 г.

шается теперь же «предоставить союзным державам самые широкие возможности для применения ими своих технических и материальных сил».

24 июня собирается в Омске чрезвычайный казачий съезд для разрешения самых «серьезных и неотложных вопросов государственной важности».

26 июля омские торговцы Громчук и Кошкет, от имени совета карнато-руссов, призывают всех казаков к «оружию для защиты единой великой матери-России».

27 июня омское правительство объявляет «дело защиты родины и свободы» в опасности и постановляет создать «чрезвычайный комитет» из министров военного, внутренних дел и юстиции.

Экономическому совещанию поручается срочно найти способы «умиротворения недовольства рабочего и крестьянского населения».

Сам Колчак едет на фронт для «воодушевления своим присутствием бойцов за возрождение России».

Но наступают острая вражда и несогласие и среди самих омских атаманов. И если Пепеляев, Гайда и др. взымают к «тыловому населению», призывая его вперед, то другие их единомышленники спешат вятками, подлогами, реквизициями обеспечить себя «на всякий случай».

Командит станции Омск, задерживая поезда со снаряжением и эшелоны войск, пропускает поезда со спекулятивным грузом... Его захватывает контр-разведка на месте преступления при получении им «задатка» и арестовывает... Выясняется, что он действовал с ведома и сообщая с самим начальником военных сообщений ген. Касаткиным; арестовывают и последнего. Но когда распоряжением Колчака их предает военно-полевому суду, они указывают на своего главного сообщника генерала Лебедева, начальника штаверха.

Даже самому Колчаку становится не по себе, и он делает попытки «замять эту историю».

Но вмешивается главнокомандующий фронтом Гайда, приезжает в Омск и ультимативно требует предания суду и расстрелу «воров и предателей».

Его обвиняют в дезертирстве, неподчинении и даже... в большевизме.

Он устраняет еще больший скандал, угрожая самому Колчаку. Тогда делают попытки его арестовать, но неудачно... Не сдавая никому ни дел, ни отчета, Гайда, вместе со своим весьма многочисленным кошем, уезжает на восток... По пути он захватывает в поезд своих бывших единомышленников, эс-эров из областной думы.

Но этот скандал стараются замять, и с отъездом Гайды из Омска Рта сообщает:

«В высшем командовании армии произошли некоторые перемещения. Начальник штаба верховного главнокомандующего, генерального штаба генерал-майор Лебедев получает новое назначение. Главнокомандующий фронтом генерал-лейтенант Гайда получает отпуск и уезжает на восток для отдыха...»

Главный начальник военных сообщений генерал-майор Касаткин увольняется от занимаемой должности.

Начальником штаба верховного главнокомандующего назначается генерал-лейтенант Дидерикс, с возложением на него временно исполняющих обязанностей главнокомандующего восточным фронтом.

Не лучше становятся дела омского правительства и на Дальнем Востоке, куда спешно командировается атаман Дутов, а вслед за ним генерал Розанов. «Слабохарактерный и китасфильствующий», с точки зрения омских атаманов, генерал Хорват получает «почетное звание сенатора» и уступает свое место более «решительному и твердому» енисейскому садиету Розанову, в помощь которому назначается атаман Семенов.

Дутову поручается «ликвидировать» забастовку на Кит.-Вост. жел. дороге и навести «порядок» во Владивостоке.

Богатый опыт по «успокоениям» скоро же дал свои результаты: после нескольких расстрелов и порок забастовки на дорогах были сорваны, и к первому августа Дутов уже смог возвратиться в Омск, получив за это «искреннюю благодарность русского народа».

Но в столице сибирского народоправства дела атаманов становились с каждым днем все хуже и хуже.

Красная армия методически и не задерживаясь двигалась вперед. Не помогали иностранные друзья, не было поддержки и со стороны «тыла». И беря пример с себя, омское правительство делает попытки соблазнить армию и городской тыл деньгами, наградами и обещаниями.

Постановлением от 17 июля омское правительство обещает наделить землю и прожиточной пайкой всех отличившихся в борьбе за «возрождение России».

Своим приказом от 27 июля, за № 606, адмирал Колчак предписывает всем начальникам войсковых частей выдать, в виде награды, «отличившимся бойцам по сто рублей каждому».

В ход вновь пускается: «Учредительное Собрание», «земля и воля» и т. д.

Помимо воззваний Колчака, его совета министров, торгово-промышленников, «Союза возрождения России» и др., 28 июля широко распространяется воззвание генерала Пепеляева, ссылавшегося на «настоящего демократа и революционера»:

«Граждане! Настал грозный час военных событий.

Большевистские деятели, во главе с Лениным и Троцким, направляют последние усилия и поставили все на карту, чтобы прорвать железное кольцо народных армий, окруживших Россию.

Красными использовано все, что можно. Они усиленно развили агитацию, разбрасывая миллионами листы с самыми льстивыми, гнусными обещаниями.

В армии у них введен суровый террор, и каждому комиссару дано право убивать солдат за малейший проступок.

В занимаемых ими местах они немедленно мобилизуют все мужское население, ставят его под ружье, забирают все припасы, лошадей, коров, хлеб.

В самой Советской России стоит страшнейший голод, грабежи, своеволие, убийства.

Отдельные отряды мажар, китайцев и латышей служат главной опорой большевиков как в тылу, так и на фронте.

Наша армия, веда неустанно и бесценно войну, не выдержала и отошла, отдав снова в руки врага сотни тысяч граждан на грабеж и разорение.

От имени умирающих за святое дело свободы и равенства я обращаюсь к населению:

Все на борьбу с врагом.

Без всяких различий веры, положения, состояния, — каждый должен помочь всем, чем может.

Идите добровольцами, кто может.

Я обращаюсь к земству:

Призовите население к борьбе с врагом, попримающим все права народа.

Я обращаюсь к духовенству:

Призовите народ к борьбе за веру, за святыни русские.

Я обращаюсь к крестьянам:

Встаньте на борьбу за разграбленные села ваши, за Учредительное Собрание, за землю и волю.

Я обращаюсь к рабочим:

Не верьте темным слухам, которые злоумышленники распускают среди нас и встаньте на борьбу с красным злом, по примеру героев восточников и ижевцев.

Я обращаюсь ко всем партиям:

Отбросьте партийные споры и разногласия: единая родина, великая и нераздельная свободная Россия — вот лозунг, который должен объединить всех.

Мы, сибиряки, не можем допустить и никогда не допустим гибели родины. Враг будет разбит, но мы ждем помощи от всего народа...

За свободный труд, за землю и волю, за Учредительное Собрание вперед!

Командующий северной группой войск сибирской армии генерал-лейтенант Пепеляев.

Но не помогает уже теперь омским атаманам и клятва в преданности Учредительному Собранию. Уж слишком большой пропойей и злостной насмешкой звучит она.

И, как будто в ответ на этот народоправческий вопль, рабоче-крестьянская Сибирь расширяет свои позиции в тылу омского правительства.

Партизанскими отрядами занимаются г. Минусинск, станция Тайшет, г. Камень, г. Устькаменогорск.

Еще более сильным аллюром бегут сибирские «добровольческие» части. К началу августа от них остаются только штабы да генералы. Удаются избраться в омский район только некоторым полкам канцелярского корпуса, бывшим на сибирской жел.-дор. магистрали.

Местности, где, по уверениям Рга, «сибирские войска встречались хлебом и солью», накануне прихода советских войск захватывались почти всегда восставшим трудовым населением.

К 10 августа вся Сибирь до реки Тобол освобождается от влияния омского правительства. Красная армия, занявшая в несколько недель несколько областей и губерний, приостанавливает свое наступление только по линии Курган—Акмолинск—Ишим.

XI

Воспользовавшись наступившей «передышкой», омское правительство начинает создавать «оборопу Сибири от нашествия красных банд».

18 августа объявляется всеобщая мобилизация городского населения до 43-летнего возраста включительно.

22 августа объявляется мобилизация всех кармато-руссов, 24-го — всех казаков и т. д. Приказом штаверха от 28 августа, за № 181, предписывается соответствующим начальникам направлять георгиевскими крестами и всех «отличившихся в тыловой борьбе с большевиками частных лиц».

Атаман Иванов-Ридов назначается помощником главнокомандующего всем фронтом; генералу Голицыну поручается приступить «к организации добровольческих дружин из крестьян и рабочих».

Высший церковный совет вновь вынимает из жандармского архива понадобившиеся ему «революционные реликвии» и широко призывает «православных людей на борьбу с поработителями трудового народа во имя Учредительного Собрания, всеобщего равенства и свободы».

Ему вторят «самые старые социалысты-революционеры и демократы» Сибири — Потанин и Сазонов. Последний выступает от имени всесибирского кооперативного съезда с «призывом к кооператорам и трудовому крестьянству».

Но как бы в ответ на эти новые подложные революционные призывы, вспыхивает поголовное восстание в самом богатом маслодельном и хлебом районе: в Татарском, Барнаульском, Петропавловском, Павлодарском и Мариинском уездах. Происходит восстание в Красноярске и Семипалатинске.

Рабоче-крестьянскими партизанскими отрядами занимаются большая станция Алтайской жел. дороги — Черепаново и Рубцено. И вся Семипалатинская область и Алтайская губерния отрезаются от омского центра.

В рабоче-крестьянские отряды уходит и подавляющее большинство мобилизуемого омским правительством городского населения.

Наученные жестоким опытом борьбы, партизанские отряды умелой рукой своих вождей перестраиваются и реорганизуются из отдельных, разрозненных отрядов в мощные полки, бригады, дивизии, корпуса и армии. При штабах партизанских армий начинают издаваться газеты и даже журналы (армия Щетникова); в их ряды добровольно вливаются все новые и новые крестьянские силы. К сентябрю Алтайская армия — Мамонтова — имеет около 30.000 бойцов, Вишнейская — Щетникова — 15.000, Томская — Лобкова — 10.000, Иркутская, — Карандашвили и Кравченко — 25.000, Амурская — Шилова — 15.000, Уссурийская — Шевченко — 15.000, Забайкальская — Якимова — 10.000.

В Омске наступает паника... Генералы начинают наперебой придумывать себе «командировки» на восток.

Правительство вновь еще более усиленно начинает взывать и к «русской общественности, и к союзникам, и к братьям-чехам, и к полякам».

Генерал Жапен отдает приказ по иностранным войскам и предписывает чехо-словацким, польским, итальянским и румынским войскам «ни в коем случае не допускать большевиков на линию железной дороги».

Иностранным карательным отрядам омское правительство предоставляет право оставлять у себя в качестве «боевого приза все захваченное у восставших имущество»...

Соблазненные перспективой «широкой лезины», польские и румынские карательные отряды начинают усиленно помогать омскому народопривечеству; и вскоре Каменский, Ново-Николаевский, Красноярский и Канский крестьянские районы не только «освобождаются от большевиков», но прежде всего от мертвого и живого имущества, которое привозится и стоит в городе.

Для омских атаманов представляется возможность «устроить передышку».

В это же время Колчак и офицеры его штаба, великолепно осведомленные об истинном положении советской армии, начинают «учиться у врага».

Идается приказ о трехбатальонных полках, упраздняются «неудачные корпуса и бригады», сокращается по советскому образцу количественный состав армейских штабов и штабных дивизии.

Телеграфным приказом штаверха от 14 сентября, за № 1051, создаются культурно-просветительные отделы при всех штабах, до полкового включительно. Такие же отделы предписывается создать всем начальникам гарнизонов.

Указом верховного правителя и верховного главнокомандующего от того же числа «повелевается всем городским и земским самоуправлениям немедленно же приступить к организации помощи больным и раненым воинам и их семьям».

Но в то же время, чувствуя, что наступает момент агонии, омское правительство, в лице вновь назначенного министра Филансов, директора Русско-Азиатского банка, фон-Гофера, устраивает аукционную распродажу естественных богатств Сибири, начинает «предлагать Россию союзникам» и продолжает втихомолку топить, расстреливать рабоче-крестьянское население.

28 сентября по линии железной дороги секретно отдается телеграфный приказ военного министра, за № 773, которым предписывается освободить из-под эвакуируемых политических заключенных и пленных красноармейцев вагоны... Распоряжение об «освобождении» исполняется на местах с жестокой свирепостью. Глухие станции Сибирской железной дороги становятся местом новых тысяч могил...

В то же время все политические заключенные, в количестве больше тысячи человек, эвакуируемые из Тобольска в тюрьмах баржей, умирают голодной смертью; в течение месяца им не дают ни одного куска хлеба.

А как «результат помощи» иностранных войск, одна река Обь, между Барнаулом и Ново-Николаевском, выбрасывает на свои песчаные отмели несколько тысяч крестьянских трупов.

Тюрьмы и гауптвахты Барнаула, Омска, Камня, Ново-Николаевска, Томска, Красноярска, Ачинска, Канска, Мариинска спешно «освобождаются» от политических заключенных.

Но это уже была последняя отрывка омского народопривчства.

XII

В начале ноября Красная армия, пополненная рабоче-крестьянскими партизанскими отрядами, вновь переходит в наступление. Омские атаманы начинают заботиться уже не об обороне, а о своем благополучном бегстве на восток.

Из Омска спешат уехать иностранные послы и омские капиталисты; министерства начинают отпирать себя на восток. В половине октября эвакуируется из Омска даже штаб омского военного округа, во главе с генералом Матковским.

14 ноября советскими войсками занимает столица сибирского народопривчства, г. Омск.

Рабоче-крестьянская Сибирь поголовно восстает, и до самого Иркутска линию сибирского железнодорожного пути окружают стальные ряды партизанских повстанческих отрядов.

Омские генералы, в своем паническом бегстве, начинают воевать уже между собою за право первенства отступления.

Один за одним они отказываются уже и от шацкого звания главнокомандующего: не хотят быть им ни Дидерикс, ни Пепеляев, ни Иванов-Ринов... и Колчак предписывает стать главнокомандующим весьма желобимому омским штабом полковнику Кашнелю, делая его генерал-лейтенантом.

16 ноября омские министры, после весьма не министерски продолжительного пути, прибывают в Иркутск, и через несколько дней послав этого Рга шумно оповещают:

«Иркутск, 2 декабря. Всероссийская власть радикально реорганизована на новых демократических началах. Новый состав кабинета министров следующий: председатель совета министров и министр внутренних дел—Пепеляев, вице-председатель и министр иностранных дел—Третьяков, министр финансов—Бурышкин, торговли и промышленности—Окорков, земледелия—Петров, труда—Шумиловский, путей сообщения—Устругов, военный министр—Ханжин, министр юстиции—Морозов, контролер—Краснов, управляющий министерством внутренних дел—Червиль-Водали, главноуправляющий делами совета министров и верховного правителя—Гине.

Программа нового правительства следующая: 1) внутреннее управление страной совершенно независимо от военной власти, и великое беззаконие и злоупотребление, кем бы оно ни производилось, будет преследоваться самым беспощадным образом; 2) привлечение к законо-

дательной работе национального земского собрания и сближение власти с населением и чехо-словаками.

Председатель Совмина Пепеляев выехал на фронт для доклада адмиралу Колчаку о принятых кабинетом решениях...»

«Иркутск, 4 декабря. Совет министров постановил увеличить количество членов в земское собрание от крестьян, казаков и других общественных групп, а также реорганизовать всю правительственную систему на основе децентрализации...»

«Иркутск, 4 декабря. До приезда в Сибирь из Парижа Николая Васильевича Чайковского временно председателем комиссии по выборам в учредительное собрание назначен бывший председатель совета министров Н. В. Вологодский».

Но не спасает уже сибирских атаманов и их новая «демократическая» подкладка.

Еще 13 ноября чехо-словацкие военные и дипломатические представители особым меморандумом к другим иностранным дипломатам и командованиям заявляют, что они в дальнейшем не только отказываются от какой бы то ни было поддержки омского правительства, но даже считают бесчеловечным и преступным сочувствовать ему в его порках, расстрелах, реквизициях, грабежах и разбоях.

В меморандуме своем, поданном ген. Жанену, Кокеу, Ой и др., уполномоченные чехо-словацкого правительства пишут:

«Невыносимое состояние, в котором находится чехо-словацкая армия, заставляет нас обратиться к союзным державам с просьбой о совете, каким образом чехо-словацкая армия могла бы обеспечить себе собственную безопасность и свободный возврат на родину, вопрос о котором был решен при согласии всех союзных держав.

Чехо-словацкая армия была готова охранять железную дорогу и сообщенье на вверенном ей участке и эту задачу добросовестно исполняла.

Но ныне пребывание чехо-словацкого войска на магистрали и ее охрана становится невозможным ввиду совершенной беспорядочности и на основании примитивнейших требований справедливости и человечности. Охраняя железную дорогу и поддерживая порядок в стране, чехо-словацкая армия вынуждена против своего убеждения содействовать и поддерживать те состояния полного произвола и беззаконности, которые здесь воцаряются.

Под защитой чехо-словацких штыков местные военные русские органы позволяют себе такие дела, от которых весь цивилизованный мир придет в ужас. Выхаживание деревень, убийства русских мирных граждан целыми сотнями, расстрел без суда людей исключительно только по подозрению в политической неloyальности — составляют обычное явление, а ответственность за все это перед судом народов целого света падает на нас за то, что мы, располагая военной силой, не воспрепятствовали этому беззаконию.

Эта наша passivность является прямым следствием принципа нашего нейтралитета и невмешательства в русские внутренние дела, и она же является причиной того, что мы, соблюдая безусловную лояльность, стоим против своей воли участниками преступлений. Сообщая это представителям союзных держав, которым чехо-словацкий народ и войско были, есть и будут всегда верными союзниками, считаем необходимым постараться всеми средствами поставить народы всего мира в известность, и сколь морально тяжким положением омутилась чехо-словацкая армия, и каковы причины этого.

Мы сами не видим иного выхода из этого положения, как немедленное возвращение домой из этой области, которая нам была вверена для охраны, и чтобы до осуществления возврата нам была дана возмож-

ность превратить бесправия и преступления, с какой бы стороны они ни происходили.

Подписали Павлу и доктор Гирса».

А вслед за ними, 17 ноября, во Владивостоке выступают против своих недавних союзников, с оружием в руках, отряд генерала Гайды и офицеры и солдаты местных колчаковских частей, руководимые Гайдой, Краковецким, Моравским, Якушевым, Гусариком, Поновым, Саковичем и Павловским. Правда, при участии японских войск «восстание Гайды» было ликвидировано Розановым, но оно более чем вышло из-под контроля и разделило на враждебные лагери и самих сибирских атаманов.

В начале декабря партизанские отряды Амурской и Приморской областей, руководимые офицерами старой русской армии: Сергиевым, Шидовым, Певзнером, Мельниковым, Владивостоковым, Целищевым, Лазо, Ильяховым и др., вступают в решительные и упорные бои с японцами и прерывают сообщение между Благовещенском — Хабаровском, Никольским — Иманом. Их повсеместно поддерживает крестьянство, несмотря на выжигание японцами и их отрядами даже только «заподозренных в укрывательстве» сел и деревень...

19 декабря восстают против остатков сибирского народоуправления рабочие Черемховских копей; 21-го поворачивают свои штыки против атаманов и призванные защищать их солдаты нижнеудинского гарнизона; 23 декабря происходит восстание иркутского гарнизона.

Отрезанный восставшим народом от своей новой столицы — Иркутска, Колчак со своим штабом успевает только вызвать о «немедленной помощи» к своему недавнему «врагу и изменнику родины» атаману Семелову и приказом от 23 декабря, за № 240, назначает его главнокомандующим всеми войсками Дальнего Востока и иркутского военного округа, награждая чином генерал-лейтенанта.

Но еще до этого выступают полное разложение и развал в самом народоуправительском правительстве.

Оскорбленный далеко неслестной оценкой действий омского правительства со стороны чехо-словаков и оптимистически настроенный подавленным гайдовским восстанием во Владивостоке, имея в виду и в дальнейшем помощь со стороны японских войск. — Колчак, 25 ноября, телеграммой из своего поезда в Иркутск Пепеляеву и Третьякову, приказывает:

«Обнакомившись с чешским меморандумом от 13 ноября за подписями Павлу и Гирса, повелеваю: 1) прекратить всякие сношения с этими лицами, как вступившими на путь политического интриганства и интрижки, и 2) войти со срочным представлением через Сазонова к чешским и союзным правительствам с предложением отозвать названных лиц из России, с заменой их другими, могущими вести себя более прилично. № 216. Адмирал Колчак».

Но только что приехавший в Иркутск Пепеляев, увидевший невыгодность для иркутского правительства конфликта с чехо-словаками, спешит первому и растерянно предупредить Колчака:

«Иркутск, 26 ноября. Секретно. Верховному правителю. Полагаю, что ответственное решение, равносильное разрыву сношений, должно было быть мне предварительно сообщено, дабы я мог дать совет».

Я бы высказался за протест, но не в таких выражениях, неприятных в международных сношениях. Может, вам угодно было бы не последовать моему совету, но вы все же не оставили бы его без внимания».

Здесь мне с большими усилиями удалось было сменить активное-враждебное к правительству отношение чехов—выжидательным. Серьезность бывшей здесь обстановки вы усмотрите из моего доклада. Теперь мне нанесли удар этой телеграммой. Сегодня ко мне явился доктор Благож и официально спросил, ссылаясь на эту телеграмму, заявляю ли я о разрыве сношений. Я ответил, что сделаю допозднее сношение и тогда отвечу.

Хотатайствую об отмене этой телеграммы, и, если вы признаете существенными мои соображения, не издавать столь важных актов без предоставления мне возможности высказать свое мнение. Председатели Пепеляев».

Но Колчак, под влиянием своего японофильствующего штаба, долго не соглашался отменить и извиниться перед чехо-словаками, и только дальнейшие события вынудили его это сделать.

Еще совсем недавно явившийся в мощности и силе омских войск, а теперь окруженный со всей своей армией на ст. Боготол рабоче-крестьянскими отрядами, руководимыми старыми офицерами — Щетинкиным, Кравченко и др., генерал Пепеляев 9 декабря ультимативно вызывает к Колчаку:

«Умоляю последний раз о немедленном издании акта о созыве сибирского Учредительного Собрания, в лице которого сам народ возьмет в свои руки устройство Сибири и изберет сибирское правительство... Мы действуем исключительно во имя защиты родины от большевиков и ждем согласия вашего до 24-го часа сегодняшнего дня... Мы честно, открыто и долго убеждали вас в необходимости этой меры и получили от вас принципиальное согласие. Но время не ждет, и мы говорим вам теперь, что во имя родины мы решились на все...»

Нас рассудит бог и народ. Командующий первой армией генерал-лейтенант Пепеляев».

Но Колчаку уже не до разговоров об Учредительном Собрании. Ему приходится подумать и о своей личной безопасности.

12 декабря командующий чехо-словацкими войсками генерал Сыровой заявляет приехавшему в Иркутск генералу Жалену, что, в случае непредоставления чешским эшелонам первенства эвакуация на восток, оп... не ручается за последствия. И приказом главнокомандующего иностранными войсками чехо-словакам предоставляется право первыми двигаться на восток, ввиду чего чешские солдаты на местах начинают отбирать паровозы и выгонять из вагонов даже омских командующих, сенаторов, министров и генералов.

Основываясь на соответствующем распоряжении, чехо-словаки в своем паническом бегстве на восток отбирают паровозы и высекают из поезда даже самого омского главнокомандующего генерала Капеля, который за такое погубление над его личностью и «русским оружием» вызывает генерала Сырового на дуэль. Последний отве-

чает Каннелю, что охотно принимает его вызов... «только после эвакуации чешских войск из Сибири»...

14 декабря Колчак обращается к министру иностранных дел своего правительства Третьякову с настойчивым требованием «повлиять на генерала Жанена, чтобы он сделал распоряжение о беспрепятственном пропуске его поезда в Иркутск».

Но Жанен 15 декабря заявляет, что он бессилен «облегчить участь адмирала».

Тогда Третьяков выезжает в Читу к Семенову на поклонение, и забайкальский атаман спешит на выручку застрявшим на линии жел. дор. омским генералам нижеследующей шумной телеграммой:

«Чехоштаб, генералу Сыровому, копия: верховному правителю, подполковнику Сыроболякову, генералу Жанену, председателю, главнокомандующему генералу Каннелю, комвойсками генералу Артемьеву, генералу Оглоблину, Оби, Розанову, Грессу, Хорвагу, атаману Калмыкову, атаману Кузнецову, войсковому старшине Магомасу, полковнику Малиновскому.

Братья чехо-словаки! Глубоко цenia вашу героическую, совместную с русским народом, борьбу во имя общеславянских идей, сначала на войне с общим врагом славинства, а затем с врагом русской государственности—большевиками, я всегда с беззаветным и глубоким уважением относился к вам, видел в вас братьев по духу и крови и считал, что наша историческая помощь России и славянству не имеет себе равной на всем протяжении веков.

Но ныне мною получены данные о том, что, благодаря распоряжениям и действиям чехо-словацкого командования, на линии железной дороги, находящейся под вашей охраной, задерживаются поезда верховного правителя, главнокомандующего армии, предостовина, нарушается связь между отходившими войсками и высшим командованием, остановлено больше сотни эшелонов с ценным воинским и государственным грузом, а вперед двигаются только чешские эшелоны...

Братья, остановитесь! Опомнитесь!

За что и во имя чего вы, прекрасно вооруженные, снабженные, здоровые, способные к бою, не хотите помочь своей старшей сестре—России, находящейся ныне в тяжелом положении.

Я обращаюсь к вам, как к братьям: остановитесь, помогите в последней борьбе за Россию; станьте с открытой грудью против врагов человечества, беспощадно добивающих в оставляемых, благодаря вам, эшелонах больных и раненых воинов, детей и женщин.

Во имя братства славян, во имя человечества и долга сильных перед слабыми я требую от вас исполнения вами долга сильных и прекрасно вооруженных здоровых людей. Остановите потоки белизны и беззащитно льющейся крови.

Я требую немедленно и беспрепятственно пропуска вами до Иркутска поездов с нашим русским командованием, ранеными воинами, семьями бойцов и ценностями, составляющими последнее народное достояние государства Российского.

В случае неисполнения вами этого требования, я, с болью в сердце, пойду и всей имеющейся в моем распоряжении вооруженной силой заставлю вас исполнить ваш долг перед человечеством и замученной сестрой—Россией. Атаман Семенов».

Но Сыровой вместо помощи, требуемой от него забайкальским атаманом, отвечает ему: «Попробуйте».

И положение сибирских атаманов делается совершенно безнадежным. А 24 декабря встают рабочие и войсковые части в

г. Иркутске, и само всероссийское иркутское народоуправческое правительство перебирается из г. Иркутска в поезд к генералу Жанену...

Начинают трусливо разбегаться по иностранным эшелонам от Колчака даже верные чины его штаба. Генералы: Иностранцев, Антонович, Рябиков, полковники: Гловацкий, Слизиков и др.—оставляют своего верховного главнокомандующего, несмотря на категорическое воспреещение и телеграммы о их задержании.

В Иркутске ему остаются верны только два юнкерских училища, кадетский корпус и егерский батальон, которые, под руководством генерала Сычева, долго выдерживают натиск на них со стороны восставших частей. Но и они в ночь на 4 января оказывают столичному сибирскому народоуправчеству, несмотря на помощь им трех семеновских броневых поездов, под командованием нового командующего иркутским военным округом генерала Скипетрова.

Они успевают только захватить часть награбленного имущества да тридцать одного «заложника» из арестованных накануне местных общественных деятелей.

Совершенно растерявшиеся, потерявшие надежду и веру как в иностранных друзей, так и в своих ближайших помощников, верховному правителю и главнокомандующему адмиралу Колчаку ничего больше не остается, как «отречься от власти», что он, перво и решительно, и делает.

Но он остается верным самому себе и своим принципам и даже несуществующую власть «передает в пользу генерала Деникина», уже тоже несуществующего.

На другой день, т. е. 5 января, примеру своего правителя следуют и остатки его совета министров, которые в иностранном вагоне «отрываются от власти» в пользу образовавшегося в Иркутске революционного политического центра.

Сибирское всероссийское правительство перестает существовать.

С этого дня с терроризованного населения Сибири снимается даже его официальная народоуправческая вывеска...

XIII

Иностранные генералы, растерявшиеся перед революционным энтузиазмом рабоче-крестьянской Сибири, предпринимают всяческие меры, лишь бы спасти хоть самого Колчака.

По распоряжению из Парижа, генералы Жанен и Сыровой назначают для поезда адмирала Колчака «надлежащую охрану чехо-словаков», которой предписывается «ни в коем случае не выдавать адмирала местным советским властям», и его со святой и остатками штаба усиленно двигают вперед.

Но 9 января становится известным, что все заложники, взятые Сычевым и переданные семеновцам, несмотря на требования иностранного командования об их освобождении, по распоряжению атамана Семенова, 5-го числа утоплены в Байкале.

Убийство этих заложников настолько было по самолюбию иностранных генералов и дипломатов и настолько было жестоко по своему зверству, что даже чехо-словацкое командование, в своей газете «Чехо-словацкий Дневник» от 10 января, возмущенно заявляет:

«Расследованием союзной следственной комиссией устанавливаются все отвратительные, по своему зверству, подробности инквизиции, происшедшей с беспримерной бесчеловечностью и жестокостью на озере Байкал.

Нарисованная союзным следствием картина должна вызвать в каждом чувство отвращения и протеста против варварской мести над политическими противниками, так как оно противоречит всем человеческим понятиям и является насмешкой над международным правом в отношении политических заложников.

Это следствие говорит: 5 января пароход «Ангара» привёз на станцию Байкал 30 мужчин и 1 женщину, связанных веревками, в сопровождении 30 офицеров и около 35 солдат. Все арестованные были помещены на ночь в буфете III класса.

Рано утром 6-го заложники вновь были переведены на «Ангару» и увезены в направлении села Лиственничное... Нашлось несколько палаток — один из них контр-разведчик Грант, известный по своей деятельности в Омске и Екатеринбурге, который при помощи семеновских солдат и офицеров приступил к «ликвидации» арестованных, согласно методам атамана Семенова и Калмыкова. Несчастных били и убивали палачиками, ломами и пиками. Выводили по одному из трюма на палубу и сбрасывали в Байкал...

К вечеру того же дня, в 5 часов, «Ангара» возвратилась на ст. Байкал...

Следственной комиссией из представителей союзных держав установлено, что зверское убийство на Байкале произошло по распоряжению начальника читинской контр-разведки Черепанова, а главными исполнителями этого распоряжения являются: зауряд-капитан Грант, войсковой старшина Сымаев, штабс-капитан Гадлевский, полковник Синайло, казак Михаил Карачетов, агент контр-разведки Гокосов, солдат Гладишев, полковник Поитович и агент контр-разведки Молчанов.

В числе убитых были: бывший товарищ министра внутренних дел сибирского временного правительства Михайлов, член Учредительного Собрания Борис Марков, штабс-капитан Петров, Вера Ермолаева и др.

Этот садистский разгул агентов забайкальского атамана предпринял судьбу адмирала Колчака.

После этого Сыровой заявляет Жанену, что чехо-словацкое командование «не может и не в состоянии в дальнейшем охранять Колчака: настоятельно требуют его выдачи не только русские власти, но и наши войсковые части...».

И с молчаливого вынужденного согласия французского генерала, личного друга Колчака и немолчаливого агента заграничных капиталистов. — 15 января прибывший на станцию Иркутск поезд бывшего верховного правителя, по распоряжению чехо-словацкого командования и дипломатического представительства, в лице Сырового, Гирса, Павлу и Блажожа, был передан иркутским революционным властям. И Колчак, Пенелеев и другие «корифей омского всероссийского народоправства» в тот же день из поезда были переведены в иркутскую областную тюрьму.

Участь их была уже предопределена не только всею кошмарною кровавою бывшею деятельностью омского народоправства, но и

перед этим совершенным на о. Байкал новым бесчеловечным семеновским зверством.

7 февраля адмирал Колчак и Пенелеев, ввиду попыток их освобождения отступающими отрядами Каппеля, постановлением иркутского революционного трибунала были приговорены к смерти и расстреляны.

18 января иркутский политический центр передал власть образовавшемуся советскому революционному комитету. И вся Восточная и Западная Сибирь вновь стала нераздельной частью единой великой Советской России, хотя регулярная Красная армия была еще за тысячи верст от Иркутска.

Полсеместно восставшая для борьбы с «всероссийским» народоправством рабоче-крестьянская Сибирь поглотила собою и почти всю многотысячную армию иностранных и атамановских штыков.

Только чехо-словацкие войска, бывшие восточнее ст. Тайга, по соглашению с советским командованием, могли вырваться на Дальний Восток, да незначительным кучкам смешанных войсковых частей генерала Войцеховского удалось пробить себе дорогу в Читу, блистательно охраняемую японскими штыками. Умер, провалившись в реку, даже сам главнокомандующий ген. Каппель; был убит своими же солдатами во время бегства ген. Волков.

Спенат до прихода советских войск покинуть Иркутск и верные агенты союзного капитала.

Многие из них еще недоумевают, они поражены, ошарашены: ведь совсем недавно колчаковский штаб доказывал им, что «всероссийское правительство имеет мощную армию и пользуется повсеместным признанием широких народных масс»; это было только два месяца тому назад, на омском консульском совещании 30 октября.

Но многие из них, бессильные помочь Колчаку, всячески стараются захватить с собой «по пути» его министров, командующих и главноуправляющих.

Бессильные еще так недавно, омские министры, в своем паническом страхе перед возможным возмездием, теперь не брезгают даже ролью истопников в «союзных вагонах».

Им не мешают... Перед Советской властью, во всей своей ужасающей реальности, стоял более важный и ответственный вопрос: как избавиться от наследия сибирского народоправства — тифа, голода, замерзания людей целыми эшелонами; а также, как восстановить совершенно прекратившееся железнодорожное сообщение Сибири.

XIV

Для заграничных капиталистических правительств августовский разгром омских армий был еще более неожиданным. Только перед этим, японское правительство, через своего парижского посла Чинда, уверяло Ллойд-Джорджа и Клемансо, что «авторитет пра-

вительства Колчака среди населения растет не по дням, а по часам», и предлагало приступить к его «официальному признанию».

Тогда же приехавший из Сибири член английского парламента полковник Воорд «фактами и цифрами» усиленно доказывал «популярность омого правительства в народных массах» и именем английских рабочих, требовал его международного признания.

И омое правительство было «павацуне признания»; только Америка упорствовала, настаивая на созыве правительством Колчака теперь же Учредительного Собрания.

И вдруг... Могущество армий омого правительства не только оказалось пухом, но и сами министры панически стремительно убегают из своей столицы.

Заграница была поражена, обескуражена... Она не верит уже и самому Бурцеву, который в своем «Общем Деле», от 16 ноября, старается объяснить, что «оставление Омска есть большевистская выдумка».

И хотя тот же Бурцев изо всех сил старается доказать парижскому правительству, что «на Шинке все спокойно» и только на денкинском фронте «происходили незначительные волнения, связанные с еврейскими погромами», — ему уже не верят даже его всегдашние последователи.

Но падение архангельского фронта, разгром денкинского и омого становятся очевидным, неоспоримым фактом. И даже больше. В Париже делается известным, что и в среде самих омых атаманов далеко не все благополучно. Сам главнокомандующий противосоветским фронтом генерал-лейтенант Гайда устраивает восстание против омого правительства и переименовывается им в «изменника» и в «бывшего военнопленного немца».

И союзники начинают «созвещаться по русскому вопросу»...

В это время английские рабочие начинают проявлять себя в своем сочувствии рабоче-крестьянской России более активно и решительно. Они не только требуют от правительства прекратить помощь антибольшевикам, но и настаивают на возобновлении с Советской Россией дипломатических и экономических сношений. «Рабочий» депутат — полковник Воорд на рабочих собраниях встречается снисхом и криками: «Долой предателя!».

На рабочем митинге 27 ноября Ллойд-Джордж заявляет, что «союзники решили пересмотреть русский вопрос» и что представителю английского правительства по вопросу об обмене военнопленными О'Греди в Копенгагене, в своих переговорах с советским делегатом Литвиновым «поручено выяснить возможности частичных сношений с гуманными целями».

Но практически заграница все же еще решает «выждать дальнейших событий».

Тем более, что Бурцев в «Общем Деле», от 7 декабря, советует союзникам «не торопиться делать преступные исторические ошибки» и многозначительно указывает, что как в Сибири, так

и на юге организуются новые антибольшевистские силы, в которых принимают «интенсивное участие и все русские социалистические партии». В доказательство, он ссылается на «биркутское демократическое правительство» и на «новых сотрудников южного правительства — Мякотина и Петра Струве».

Но «дальнейшие события» еще более разочаровывают иностранных капиталистов.

И 10 декабря на заседании парламента Ллойд-Джордж вынужден подтвердить, что «русский вопрос будет пересмотрен», а на 14-е в Лондон, по его приглашению, съезжаются «ответственные представители пяти великих держав».

16 декабря в Лондоне, на «союзном совещании пяти» выносятся решение о прекращении дальнейшей помощи антибольшевистским русским правительством. В этот же день съезд английских трэд-юшонов постановляет всеми способами следить за выполнением правительством своего решения о прекращении поддержки антибольшевикам.

Но все же Америке и Японии «предоставляется в дальнейшем действовать в Сибири в зависимости от своей непосредственной заинтересованности»...

В своей растерянности и панической боязни за сохранность «существующего политического строя» союзные капиталисты даже не решаются определенно формулировать свои дальнейшие поступки: с одной стороны, под давлением рабочих настроений своих стран, они решают не помогать антибольшевикам, с другой — в ужасе от усиления Советской России, они выражают надежду, что «заинтересованные Америка и Япония не допустят большевистских беспорядков в Восточной Сибири».

В тайниках своих открыто невысказываемых надежд капиталисты Лондона и Париза устремили все свои верования в сторону «незараженной, дисциплинированной, могущественной японской императорской армии»...

Японское правительство снисит оправдать возлагаемые на него надежды парижских собратьев. Но оно уже теперь более определенно заявляет, что, помимо «борьбы с большевизмом и восстановления порядка», Япония имеет свои «особые интересы на Дальнем Востоке».

Японскому послу в Вашингтоне Шидехара поручается довести до сведения американского правительства, что изменившиеся обстоятельства в Сибири в пользу большевиков «настоятельно требуют дальнейших согласованных действий и количественного усиления американских войск на Дальнем Востоке».

Токийское правительство, начиная с 27 декабря, устраивает почти ежедневные заседания, посвященные «сибирскому вопросу».

И вдруг...

Американское правительство, даже не уведомляя японский совет министров, 5 января постановляет отозвать свои войска с территории русского Дальнего Востока и теперь же приказывает генералу Гревсу сконцентрировать все войсковые части во Владиво-

стоке для отправки на родину вслед за чехо-словаками, но не позднее апреля месяца.

Японское правительство окончательно терпясь, оно поражено и обижено «таким необдуманным и непредупрежденным решением американского правительства» и еще более настойчиво советует Вашингтонским коллегам «отменить свое решение или, по крайней мере, мотивировать его».

Но 10 января американское правительство, в ответ на запрос японского министра иностранных дел, в весьма пространной ноте поясняет:

«Правительство Соединенных Штатов с самым тщательным вниманием отнеслось к сущности сообщения японского правительства, которое было прочтено министру иностранных дел японским послом.

Но правительство Соединенных Штатов признает, что посылка подкреплений достаточной силы для совместного выступления с антибольшевистскими войсками—не соответствует своему назначению... А продолжать принимать участие в охране областей, находящихся под союзной военной охраной, также при настоящих условиях невозможно, по той причине, что соглашение о посылке подкреплений в таком размере, который может потребоваться для поддержания теперешнего положения, могло бы повлечь правительство Соединенных Штатов перед обстоятельствами столь неопределенного характера, что это явилось бы неблагоприятным...»

Количество подкреплений, необходимых для выполнения такого соглашения, могло бы оказаться настолько велико, что правительство Соединенных Штатов не считало бы себя вправе выполнять его.

Поэтому было подтверждено обсуждению предложение о полном или частичном отзывании войск.

Следует помнить, что первоначальные цели экспедиции, как они были понимаемы Соединенными Штатами в дополнительном меморандуме, врученном японскому послу в Вашингтоне 17 июля 1918 года, были следующие:

1) помочь чехо-словацким войскам, которые во время отхода вдоль Сибирской магистрали были атакованы большевиками и враждебными похищенными в Сибири, сгруппировать свои войска и выполнить эвакуацию через Владивосток;

2) укрепить всякие стремления к самоуправлению, в защите которых сами русские пожелали принять общесоюзическую помощь.

В настоящее время, не только чехо-словацкие войска удачно продвигаются на восток, но также достигнуто соглашение между правительствами Англии и Соединенных Штатов относительно их эвакуации из Владивостока.

Таким образом первую цель, для которой американские войска были посланы в Сибирь, можно считать достигнутой. Что же касается второй цели, то на правительство Соединенных Штатов произвели сильное впечатление политическая неустойчивость и серьезная неопределенность нынешнего положения в Восточной Сибири, описанные в дополнительном меморандуме, представленном японским послом 8 декабря 1919 года, и оно склонно думать, что дальнейшая военная помощь русским в борьбе за самоуправление в их теперешнем положении может создать еще большие осложнения и дать результаты, совершенно противоположные и препятствующие желаемому оздоровлению, вовлекшие Японию и Соединенные Штаты на беспредельные жертвы.

Таким образом, осуществлению второй цели, для которой американские войска были посланы в Сибирь, вряд ли дальнейшее пребывание их в Сибири могло бы подействовать.

Ввиду этого правительство Соединенных Штатов решило немедленно же отдать распоряжение о сконцентрировании американских

войск по Владивостоку с целью тотчас же после отправления первой значительной части чехо-словацких войск, приблизительно 10 февраля 1920 года, их эвакуировать.

Правительством Соединенных Штатов также тщательно обсуждалась возможность продления, после ухода американских войск, помощи американских железнодорожных экспертов в деле операций Сибирской магистрали и Китайско-Восточной железной дороги.

Следует помнить, что, согласно плану наблюдения за этими железными дорогами, предложенному японским послом в Вашингтоне 15 января 1919 года, соглашение должно прекратиться при уходе иностранных военных сил из Сибири. Все иностранные железнодорожные эксперты, назначенные на основании этого соглашения, должны быть также отозваны.

Опыт последних месяцев в деле операций железных дорог—при непосредности гражданской власти и частых вмешательствах со стороны местных военных властей—послужил веской причиной необходимости придерживаться условий означенного договора.

На основании этого будет сделано распоряжение и об отзывании американских железнодорожных экспертов, одновременно с уходом американских войск.

Правительство Соединенных Штатов желает поставить японское правительство в известность, что оно сожалеет о необходимости принять это решение, ибо это решение, вероятно, определяет конец, по крайней мере в настоящее время, совместным усилиям Японии и Соединенных Штатов помочь русскому народу, каковые усилия еще совсем недавно начали давать значительные результаты и, казалось, обещали их в будущем...»

После этого и перед токийским правительством встает, во всей своей страшной для капиталистов величине, вопрос о неминуемом «дальнейшем большевистском распространении».

Японское правительство уже с давних пор было убеждено в своем праве требовать от будущего (фактического) всероссийского правительства соответствующих компенсаций за «помощь, оказанную ему японскими штыками», а японские купцы уже успели спустить почти все промышленные предприятия русского Дальнего Востока или влезть «компаньонами» в эти предприятия, а местами даже самую территорию они привыкли уже считать своею колонией.

И теперь наступило неожиданное крушение всех их планов.

Ведь если, по примеру Европы и Америки, отозвать японские войска, — для токийских капиталистов это было равносильно лишить «возможностей получить «долг за помощь», расписаться в безрезультатности миллионов расходов, потраченных на сибирскую экспедицию, лишиться своего влияния на русском Дальнем Востоке и даже, может быть, в северной Манчжурии, Корее и у себя, в Японии.

И не решая окончательно вопроса о своей дальнейшей линии поведения в Восточной Сибири, японское правительство решает «пока что» теперь же усилить свои войска в Забайкалье еще одной дивизией с «целью задерживать большевиков в их движении вперед».

А 15 января, когда советские войска, при участии американских и активной помощи чехо-словацких войск, разоружают семеевскую дивизию, занимают забайкальские тошети и вскоре Верхнеудинск. — японский военный министр Такака отдает срочное распоряжение 13-й дивизии, расположенной в городах Таката

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От Издательства	5
От автора	6
Введение. Возникновение Советской власти в Сибири и отношение к ней политических партий и населения. Ошибки и слабость Советской власти в Сибири	7

Ч А С Т Ь I

Организация сил легальной и тайной контр-революции. Подпольная деятельность сибирского правительства и центров сибирской кооперации. Мировой лагерь против Советской власти. Вытеснение чехо-словаков и боевых дружин. Начало гражданской войны в Сибири. Свержение Советской власти и провозглашение власти западно-сибирского комисариата, временного сибирского правительства и сибирской областной думы. Начало белого террора	12
--	----

Ч А С Т Ь II

Успехи чехо-сибирских войск. Захват власти военной партией. Разгон сибирского правительства и областной думы. Провозглашение власти уфимской всероссийской директории. Приказы и контроль союзных капиталистических правительств. Начало крестьянских и рабочих восстаний. Начало массового белого террора	39
--	----

Ч А С Т Ь III

Разгон директории. Провозглашение военной диктатуры. Массовые расстрелы рабочих и крестьян. Начало успехов Красной армии. Всеобщее восстание рабоче-крестьянской Сибири. Нашива в рядах атаманов и капиталистов. Падение омского правительства. Бессилие капиталистического интервенционала	69
---	----